

МОНА РАЙД

Недоtroгa
для
БОССА 2

Мона Райд

Недотрога для босса 2

<https://litres.ru/74524609>

Аннотация

Когда убегаешь от мужчины, от взгляда которого у тебя подгибаются колени, а в груди мелко вибрирует — убегаешь, чтобы не потерять себя в нем, не раствориться, не сдаться. Убегаешь от размеренной обеспеченной жизни, которую этот мужчина мог бы тебе дать на правах любовницы. Убегаешь из последних сил, и не знаешь, что ждет в чужом далеком городе, какие люди встретятся, сможешь ли залечить рану в сердце.

В Самаре Люда надеялась спрятаться, залечить раны и начать новую жизнь. Но судьба распорядилась иначе. Здесь её ждали двое.

Один — надёжный, как скала. Взрослый, состоятельный, готовый носить на руках. С ним — покой, уют, дом.

Второй — солнечный, лёгкий, молодой. От него пахнет свободой и морем. С ним можно смеяться, дурачиться и забыть о том, что внутри всё ещё болит.

Она думала, что выбирает между прошлым и будущим. Между страстью и покоем. Между долгом и желанием.

Но правда оказалась другой: тот, от кого она бежала, не отпустил. Он искал её. И он в это время спасал людей из горящего офиса — и навсегда остался обожжённым.

Люда узнает правду. И тогда ей предстоит сделать самый главный выбор: остаться в золотой клетке или бросить всё и уехать к мужчине, которого называют «чудовищем» лишь потому, что его тело хранит следы подвига. Но истинная любовь не видит шрамов — она видит сердце.

Читателя ждёт развод, воссоединение с любимым и счастье, которое приходит, когда перестаёшь бояться.

Людмиле пришлось выйти замуж за другого, чтобы понять: её сердце всегда принадлежало Антону. Она думала, что развод — это конец. А оказалось — начало самой большой любви.

Не дайте книге затеряться — добавьте её в библиотеку и поддержите звёздочкой. Мне очень важны ваши отзывы, даже самые честные, я всегда слышу вас. Если хотите быть в курсе новинок — подписывайтесь! Новые истории буду выходить регулярно.

Содержание

Глава 1 «Волга»	6
Глава 1. 2 часть.	16
Глава 2. «Птичка замерзшая»	20
Глава 2. Часть 2.	24
Глава 2. Часть 3	27
Глава 3. Город, который помнит купцов	31
Глава 3. 2 часть	36
Глава 4. Человек, который не боится чужих тайн	44
Глава 4. 2 часть.	49
Глава 5. Звонок, которого она ждала и боялась	55
Глава 5. 2 часть.	60
Глава 6. Платье для себя	65
Глава 6. 2 часть.	69
Глава 7. Утро перед встречей	73
Глава 8. Катя.	80
Глава 8. 2 часть.	84
Глава 9. Чужая жизнь	93
Глава 10. Волчья стая	101
Глава 10. 2 часть.	107
Глава 11. Весеннее обострение	111
Глава 12. Лёгкость бытия	121
Глава 12. 2 часть.	127
Глава 13. Стратегия любви	134

Глава 13. 2 часть.	140
Глава 14. Весеннее равноденствие	145
Глава 14. 2 часть	152
Глава 15. Луна	158
Глава 15. 2 часть	163
Глава 16. Замок Гаррибальди	168
Глава 17. Студия у Волги	176
Глава 18. Две параллельные	182
Глава 19. Солнце, ветер и горький привкус утра	191
Глава 19. 2часть.	197
Глава 20. Поздно	204
Конец ознакомительного фрагмента.	206

Глава 1 «Волга»

Приветствую вас, дорогие читатели!

Эта книга является продолжением первой книги — «Недотрога для босса». Я надеюсь, что история Людмилы вам понравилась, и вы, как и я, не смогли отпустить ее героев.

<https://litnet.com/shrt/YF05>

N

Знаю, знаю — вы ждали этой встречи. Ждали, чтобы узнать, что стало с Людой после той холодной январской ночи, когда она сбежала в Самару. Выдержала ли она? Смогла ли начать новую жизнь? И нашел ли ее Антон?

Вторая книга родилась не сразу. Герои молчали, сопротивлялись, не хотели открывать мне свои тайны. Но когда Волга позвала — они заговорили. И я поняла: эту историю нужно рассказать.

Здесь будет все: ледяная красота великой реки, тепло простых человеческих отношений, боль от невозможности забыть и надежда на новое счастье. А еще — выбор. Тот самый взрослый выбор, который однажды встает перед каждым из нас: остаться в безопасной гавани или снова нырнуть в шторм, где тебя ждет любимый человек, даже если этот человек — твоя погибель.

Приятного чтения! Устраивайтесь поуютнее — впереди новая глава в судьбе женщины, которая так отчаянно искала себя.

Всё, что вы прочтёте — вымысел. Город Самара, конечно, существует (и очень красивый, между прочим), но наши герои и их истории — плод воображения автора. Если вдруг вы узнали себя или кого-то из знакомых — вам показалось. Честное слово.

С любовью и верой в счастливый финал,

ваш автор.

Ночь в «газели» пахла бензином и чужой жизнью. Люда сидела на продавленном пассажирском сиденье, прижимая к груди старый рюкзак, и смотрела, как в лобовое стекло бьются снежинки. Водитель, молчаливый мужик с усами, давно уже не пытался заговорить — может, почувствовал, что у пассажирки внутри все запечатано наглухо.

Мысли в голове не складывались в слова. Это была просто боль. Гулкая, тянущая, которая, то сжималась в комок под ребрами, то растекалась по всему телу ледяной тяжестью. *Антон.* Она закрывала глаза и видела его руки, его улыбку, тот его взгляд, которым он смотрел на нее еще неделю назад. А потом — тот взгляд, каким он смотрел вчера, когда она сказала, что им нужно расстаться. В нем не было злости. В нем было неверие, боль и обида.

«Думать надо было раньше», — пронеслось в голове, но тут же угасло. Она не могла думать. Там, в Москве, осталась ее прежняя жизнь, ее привычка дышать им, ее зависимость. Здесь, в темноте трассы, не было ничего, кроме шума мотора и чувства, что она падает в пропасть. Люда не строила планов. Она не придумывала, что скажет Клавдии, не представляла себе Самару. Она просто плыла по течению, вручив себя трассе, ночи и той неведомой силе, которую раньше называла судьбой. «Будь что будет», — шептали ее губы, и от этого становилось немного легче, будто она снимала с себя непосильную ношу выбора. Ехали они очень долго, Люда то

проваливалась в сон, то выныривала.

Ночь в «газели» оказалась бесконечной.

Люда вжалась в продавленное пассажирское сиденье, обтянутое дешевым велюром. Слева, за рулем, маячил силуэт водителя — дядьки лет пятидесяти с усами, пахнущего махоркой и придорожным кофе. Он молчал всю дорогу, только иногда шмыгал носом да переключал передачи с тяжелым, механическим хрустом. В салоне, за спиной, громоздились коробки и мешки. Люде выделили место спереди, как женщине.

Сначала она пыталась смотреть в окно, но за стеклом была только чернота. Иногда черноту прорезали фары встречных машин — они выныривали из темноты, слепили на секунду и исчезали в хвосте, оставляя после себя еще более густую тень. Мелькали голые придорожные деревья, подсвеченные фарами, какие-то остановки, редкие заправки с одинокими фурами на стоянках. Но пейзаж быстро надоел, потому что он не менялся. Трасса, ночь, холод, гул мотора.

И мысли. Тягучие, как патока, тяжелые, как свинец.

Она думала об Антоне, но думала как-то странно — не словами, а всем телом. Она *чувствовала* его отсутствие. Руки помнили его плечи, губы помнили его поцелуи, кожа помнила тепло его тела, когда он обнимал её ночью. И эта память превратилась в боль. Не в острую, режущую боль, а в тупую, ноющую, разлитую по всему нутру. Будто внутри поселилась холодная тяжесть, которая давила на ребра, мешала дышать.

Водитель включил печку на полную, и в кабине стало душно. Пахло бензином, и его дешевым одеколоном. От этого мутило. Люда прикрыла глаза, просто чтобы не видеть эту бесконечную черную дорогу.

И провалилась.

Ей снилось, что она дома. Не в Москве, а где-то совсем далеко, в детстве. Солнечно, тепло, пахнет яблоками. Она стоит посреди комнаты, и вдруг сзади подходят руки — знакомые, сильные руки Антона. Они обхватывают её за талию, притягивают к себе. Она чувствует его дыхание на своей шее, чувствует, как он целует её в плечо, как прижимается щекой к её виску. Так тепло, так спокойно. Она слышит его голос: «Девочка, ну где же ты? Я же без тебя не могу...». Она хочет повернуться к нему, обнять в ответ, сказать что-то важное, но...

Толчок.

Люда открывает глаза. «Газель» подпрыгнула на какой-то колдобине, водитель чертыхается и крутит баранку. Сердце колотится где-то в горле. Сон рассыпался, оставив после себя только горькое послевкусие и влажные от слез щеки. Она трет глаза рукавом, смотрит в окно — та же тьма, те же фары. Водитель косится на неё, но молчит.

Люда отворачивается к стеклу, пытаюсь снова найти то тепло из сна, но его нет. Есть только холодная реальность: уставшее тело, гудящая спина и осознание, что того, что было, больше нет. И никогда не будет.

Она снова закрывает глаза, боясь и желая одновременно снова провалиться в эту сладкую пытку.

И сон приходит.

Теперь они лежат в постели. В его квартире. Воскресное утро, за окном серый московский свет, они никуда не спешат. Антон гладит её по волосам, перебирает пряди, смотрит в глаза. В его взгляде столько нежности, что у неё перехватывает дыхание. Он склоняется и целует её — долго, мягко, так, что хочется плакать от счастья. Она тонет в этом поцелуе, растворяется, забывает обо всем...

«Дребезжание».

Люда вздрагивает и просыпается от того, что «газель» обогнал тяжелый фургон, и от вибрации заложило уши. Реальность врывается в сознание грубо, без спроса. Она сидит в этой старой кабине, ноги затекли так, что она их не чувствует, шея болит от неудобного положения. Антона нет. Тот поцелуй — ложь. Счастье — ложь.

В груди так щемит, что хочется выть. Но она молчит. Смотрит на свои руки, сжимающие лямку рюкзака, и молчит.

Водитель предлагает: «Кофе будешь? Термос есть». Она мотает головой. Горло сжато спазмом, она боится, что если откроет рот, то закричит.

И так — раз за разом. Всю ночь.

От автора: Подписывайтесь на мой профиль, чтобы не

пропустить развязку. Добавляйте книгу в библиотеку — и давайте узнаем вместе, сможет ли Люда исцелить сердце и найдет ли ее прошлое раньше, чем она обретет будущее.

История продолжается. Оставайтесь с нами ##

Добавьте книгу в библиотеку — чтобы не потерять

★ *Поставьте звезду* на главной странице — для меня это лучшая награда

Подпишитесь на автора — чтобы не пропустить новые главы и будущие романы

А ещё здесь можно оставлять комментарии. Мне очень важно знать, что вы думаете. ##

Глава 1. 2 часть.

Люда проваливалась в сон, как в черную яму, и оттуда, из этой ямы, к ней тянулись руки Антона. Он обнимал её, целовал, шептал что-то ласковое. Во сне она улыбалась, тянулась к нему, верила. А потом просыпалась. От толчка, от шума встречной машины, от того, что голова падала набок и упиралась в холодное стекло.

И каждый раз пробуждение было ударом под дых. Каждый раз приходилось заново осознавать: его нет. Всё конечно. Она одна в ночи, в чужой машине, едет неизвестно куда.

Слезы текли сами собой. Она не рыдала, нет — просто мокрые дорожки на щеках, которые она тут же вытирала, чтобы водитель не видел. Но он, кажется, всё видел. Просто молчал, старый, битый жизнью мужик. Наверное, понимал, что словами тут не поможешь.

Под утро её начало трясти. То ли от холода, то ли от нервного истощения. Она натянула капюшон куртки на самые глаза, забилась в угол сиденья и попыталась просто не двигаться. Тело ныло. Спина затекла так, что казалось, позвонки срослись в один сплошной камень. Ноги от колен до ступней онемели, и когда она попробовала пошевелить пальцами в ботинках, она их почти не почувствовала. Пришлось размять руками, шевелить и двигать.

Водитель включил радио. Оттуда зашипели помехи, по-

том прорвалась какая-то тоскливая песня про дороги и разлуку. Люда попросила выключить. Он послушался.

Рассвет наступал медленно, мучительно. Сначала чернота за окном стала серой, потом серый цвет начал светлеть, проступили очертания полей, голых перелесков, столбов ЛЭП, тянувшихся вдоль трассы. Небо было низкое, тяжелое, сыпало мелкой снежной крупой. Дорога стала скользкой, «газель» иногда вела, и водитель матерился сквозь зубы.

Люда смотрела на этот рождающийся день и не чувствовала ничего. Ни надежды, ни радости, ни страха. Одна сплошная усталость, въевшаяся в каждую клеточку тела. Она хотела только одного — чтобы это всё закончилось. Чтобы можно было выйти, лечь и провалиться в сон без сновидений. Без Антона.

Когда впереди показались первые дома, вывески, заправки — пригород Самары, — она даже не обрадовалась. Просто тупо смотрела, как просыпается чужой город. Водитель свернул с трассы, попетлял по каким-то улицам.

Очнулась она оттого, что «газель» дернулась и встала. Водитель зевнул, почесал затылок и кивнул на стекло:

— Приехали, красавица. Тут центр. Не побоишься сама тут, тебе куда вообще?

Люда подняла глаза. Сквозь мутное от печки стекло она увидела храм. Он вырастал из утреннего сумрака, тяжелый, белокаменный, с золотыми куполами, припорошенными снегом.

— Не побоюсь, спасибо вам большое, дай Бог вам здоровья— сказала она тихо и вылезла из кабины. Она хотела бы протянуть купюру водиле, но тот замотал головой, наотрез отказываясь.

— Ну хоть на магарыч? – спросила Люда.

— Да завязал я поди, - ответил мужик страдальчески. Люда кивнула, сразу убрала деньги, зачем вводить человека в искушение.

— Удачи вам – и девушка вышла из машины.

Холод ударил в лицо, обжег легкие. Проводив взглядом уезжающую «газель», Люда почувствовала себя маленькой и потерянной на этой широкой площади. Рюкзак тянул плечи. Она зачем-то перешла дорогу и зашла в маленький кругло-суточный ларёк у остановки, купила себе горячий пирожок и кофе, там же за столиком все это съела, немного почувствовала себя живой, достала из кошелька бумажку с адресами Клавдии домашним и рабочим, которую написала ей Мария Ивановна из храма в Москве. Вздохнула и вышла на дорогу, проголосовать, чтобы поймать такси.

Машин было немного — раннее утро, суббота или воскресенье, она даже не помнила, какой день. Мимо проносились какие-то иномарки, грузовики, пару раз проехали такси с шашечками, но она их не останавливала. Официальное такси — это след, это приложение, это оплата картой, которая оставляет цифровой хвост. Антон мог добраться до этих данных. Она не знала точно, мог или нет, но рисковать не

хотела.

Поэтому она ловила частника.

Рука с зажатыми деньгами замерзла через минуту. Вторую минуту. Третью. Никто не останавливался. Люда уже начала отчаиваться, когда у обочины притормозила старая, но ухоженная «Лада-Гранта» серебристого цвета. Стекло опустилось, и оттуда высунулось молодое лицо — парень лет двадцати пяти, русоволосый, с ямочками на щеках и очень добрыми глазами.

— Девушка, подвезти? Замерзли совсем, — улыбнулся он.

Люда замялась на секунду. Внешность была обманчивой, она это знала. Но что-то в его улыбке — открытое, солнечное, какое-то совсем не опасное — заставило ее кивнуть.

От автора: подписывайтесь на автора, чтобы первыми узнавать о выходе новых глав и книг. Добавляйте «Когда тебя нет рядом» в библиотеку — пусть Люда, Антон и Волга всегда будут с вами.

Глава 2. «Птичка замерзшая»

— На проспект Кирова, молочный комбинат, — сказала она, открывая заднюю дверь.

— О, молочка! — парень рассмеялся. — Люблю молочку. Там творог классный, если свой, заводской. Садитесь, садитесь, чего на морозе стоять.

Люда забросила рюкзак на сиденье рядом, села сама. В машине было тепло, играла негромкая музыка — что-то попсовое, веселое. Пахло освежителем с запахом хвои и еще чем-то домашним, будто недавно возили пирожки.

— А вы не местная? — спросил парень, трогаясь с места. — По лицу видно, что не местная. У нас самарские по-другому выглядят. Более... ну, сытые, что ли. А вы как птичка замерзшая.

Люда невольно улыбнулась — впервые за долгое время. Сравнение с птичкой было неожиданным.

— Из Москвы я, — ответила коротко.

— Ого! Москва — Самара, это ж сколько пилить? — присвистнул парень. — На поезде? На машине?

— На попутке, — Люда не хотела вдаваться в подробности.

— Ну, дела, — покачал головой парень. — Смелая вы. А я вот в Москве ни разу не был. Все собираюсь, да то работа, то дела. Меня, кстати, Серёгой зовут. А вас?

— Люда, — ответила она, и имя прозвучало как-то по-новому, легче, что ли.

— Очень приятно, Люда, — Сергей снова улыбнулся в зеркало заднего вида. — Вы не думайте, я не маньяк. Я вообще-то на стройку ехал, а увидел вас — стоите такая, замерзшая, руку тянете, и никто не останавливается. Ну как не подобрать? Не по-людски это.

— Спасибо, — тихо сказала Люда.

Она смотрела в окно на проплывающие улицы Самары, на высотки в центре, на трамваи, на редких прохожих, и чувствовала что-то странное. Рядом с этим улыбчивым парнем, который болтал без умолку про погоду, про то, что Волга в этом году поздно замерзла, про то, что на набережной сейчас красиво, даже несмотря на холод, ей становилось спокойнее. Он не задавал лишних вопросов, не лез в душу, просто вез и улыбался.

А она, замученная, опухшая от слез, с красными глазами и растрепанными волосами — она ему понравилась. Люда видела это по взглядам, которые он бросал в зеркало. И это было так странно, так неожиданно, что на мгновение она забыла про боль.

— Приехали, — сказал Сергей минут через двадцать, останавливаясь у высоких ворот с вывеской «Самарский молочный комбинат». — Вот тут проходная, видите?

— Спасибо, здесь, — Люда полезла в карман за деньгами. — Сколько я должна?

— Да бросьте, — отмахнулся Сергей. — Какие деньги? Подвез и подвез. Вы лучше улыбнитесь еще раз. У вас улыбка красивая, а вы все грустная.

Люда растерялась. Она не ожидала такой простой человеческой доброты.

— Серёжа, ну возьмите, — протянула она пятисотрублевку.

— Не возьму, — твердо сказал он. — Если хотите отблагодарить — купите мне потом творожок на этом комбинате и дайте телефончик, я заеду.

- Нет у меня телефона, - вздохнула Люда.

- Ладно, - приуныл Серега, поняв, что он не понравился, раз телефон не дают.

- Может еще увидимся.

Он подмигнул и уехал, оставив ее стоять с деньгами в руке и странным теплом в груди.

Люда проводила взглядом серебристую «Гранту», сунула деньги обратно в карман и подошла к проходной. Это была маленькая стеклянная будка с турникетом и окошком. Внутри сидела вахтерша — пожилая женщина с суровым лицом и газетой в руках.

— Вам кого? — спросила она, отодвигая стекло.

— Клавдию Петровну, — сказала Люда, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

— Клава? А она в цехе, — вахтерша нахмурилась. — Вы кто ей будете?

— Подруга... из Москвы, — ответила Люда. — Она знает, я должна была приехать. Можно ей позвонить?

Вахтерша поджала губы, но телефон снять не предложила. Вместо этого она закрыла окошко и куда-то ушла. Люда осталась стоять на улице, у турникета.

Минуты тянулись медленно. Было холодно. Ноги в ботинках замерзли окончательно, пальцы на руках тоже не чувствовались. Она переминалась с ноги на ногу, дула на ладони, прятала руки в карманы. Мимо проходили рабочие в белых халатах поверх курток, косились на нее с любопытством, но никто не останавливался.

Добавьте книгу в библиотеку— чтобы не потерять

★ *Поставьте звезду*на главной странице — для меня это лучшая награда

Подпишитесь на автора— чтобы не пропустить новые главы и будущие романы

А ещё здесь можно оставлять комментарии. Мне очень важно знать, что вы думаете. ##

Глава 2. Часть 2.

Прошло минут десять, показавшихся вечностью. Люда уже начала думать, что вахтерша забыла про нее или просто послала подальше, когда дверь проходной распахнулась и выскочила Клавдия.

Она была точно такой, какой Люда ее представляла по рассказам Марии Ивановны — высокая, плотная, румяная, с быстрыми движениями и громким голосом. Поверх белого халата был накинут пуховик, на голове — смешная вязаная шапка с помпоном.

— Люда? — закричала она на всю проходную. — А я и думала, что ты сегодня приедешь. Чего на улице стоишь? А ну иди сюда!

Люда подошла к ней и почему-то у нее из глаз сами по себе полились слезы. Она даже не могла ничего поделать. Видимо нервы сдали.

— Ну-ну, девка, не реви, — Клавдия отстранилась, заглянула в лицо, покачала головой. — Красивая ты, Мария не врала. Глаза только больные. Ничего, отоспишься — все пройдет. Держи.

Она сунула Люде в руку связку ключей — два старых, железных, на простом кольце, с пластмассовым брелоком в виде помидора.

— Улица Полевая, дом двадцать три. Найдешь? Там част-

ный сектор, за ипподромом. Домик маленький, но чистый. Я полы помыла, белье свежее постелила. Кот там рыжий, Семёном звать, ты его не бойся, он добрый. Плюшки на кухне под полотенцем, я напекла с утра — прям сердце чуяло, что ты приедешь. Ешь и ложись спать. Вечером увидимся.

— Клавдия Петровна, спасибо... — начала Люда, но та только рукой махнула.

— Какая я тебе Петровна? Клавдия, Клава. Я Марии Ивановне как сестра, а она мне тебя вон как доверила. Так что все, без разговоров. Езжай, отдыхай. Адрес не забудешь? Полевая, двадцать три. Такси поймаешь — тут недалеко, но с рюкзаком пешком далеко. Давай, давай, а то я смену прогуляю.

Она чмокнула Люду в щеку, развернулась и скрылась за дверью проходной, оставив после себя запах молока и ванили.

Люда осталась стоять с ключами в руке, глядя на закрывшуюся дверь. Помидор на брелоке глупо улыбался.

Теперь надо было ехать на Полевую.

Люда не стала брать такси сразу. Решила пройтись пешком, чтобы унять дрожь в коленях. Она спросила дорогу у прохожей бабушки, и та махнула рукой куда-то вниз: «Иди вдоль трамвайных путей, к Волге спустишься, там и набережная, а за ней — частный сектор».

Она шла и вдруг почувствовала, как воздух стал другим. Более влажным, тяжелым, свободным. Дома расступились, и

Люда вышла к спуску.

И замерла.

Волга лежала перед ней — огромная, седая, почти неподвижная. Она не была скована льдом полностью. У берегов темнели полосы чистой воды, а на середине реки ледяное покрывало вздыбилось торосами, сверкая на бледном январском солнце. Где-то далеко, на фоне белого простора, чернела крошечная фигурка рыбака. Простор был такой, что у Люды перехватило дыхание.

Москва там, за спиной, вдруг показалась каменным мешком, клеткой. А здесь — раздолье. Река была такой мощной, такой спокойно-величавой, что личная драма, разрывавшая ей сердце, вдруг сжалась до размеров песчинки. Она смотрела на эту ледяную, дышащую мощь, на свинцовое небо, отражающееся в полыньях, и чувствовала, как боль потихоньку отпускает горло. Холодно? Да. Но этот холод был живительным, он прижигал раны, не давая им загноиться.

— Как же хорошо... — прошептала она, и ветер унес её слова над рекой.

Люда простояла на набережной минут двадцать, просто глядя вдаль. Она поняла вдруг одну простую вещь: Волга её вылечит. Не сразу, не сегодня. Но эта ширина, эта сила, этот покой — они войдут в неё, вытеснят тоску и дадут ей то, чего у неё не было с Антоном: свободу.

Глава 2. Часть 3

В маленьком магазинчике у спуска она купила воды и, вспомнив про тяжелый рюкзак, всё же вызвала такси через приложение. Машина приехала быстро — старая «Лада» с водителем, слушающим «Шансон».

Ехали недолго. Город сменился одноэтажными домиками. Улица Полевая оказалась тихой, с сугробами по колено. Дом — приземистый, кирпичный, обшитый серым сайдингом, с резными наличниками на окнах. Палисадник в снегу.

Люда рассчиталась с таксистом, подошла к калитке. Замок поддался легко. Во дворе пахло дымком и мокрым снегом. Она отперла дверь дома и шагнула внутрь.

Теплый, спертый воздух пахнул деревом и ванилью. Маленькая прихожая, кухонька с печкой-голландкой, обитой белым кафелем. На столе, под льняным полотенцем, действительно лежала гора румяных плюшек, прикрытых тарелкой. На плите — заварной чайник.

— Мр-р-р, — раздалось из-под стола.

Люда опустила глаза. На полу сидел огромный рыжий кот-тара с зелеными глазами. Он смотрел на нее с таким важным видом, будто проверял, достойна ли она находиться на этой территории.

— Привет, — тихо сказала Люда.

Кот моргнул, встал, потянулся, выпустив когти, и важно

прошествовал в комнату, будто приглашая следовать за ним.

Комната оказалась маленькой, но чистой и уютной. Старый шифоньер, этажерка с книгами, на полу — домотканые половички. И широкий диван, застеленный свежим бельем, от которого пахло морозной свежестью.

Люда скинула рюкзак, села на край дивана. Кот тут же запрыгнул рядом, потоптался и улегся в другой стороне дивана. Люда вздохнула, сил не было ни на что, даже не сняв свитер и джинсы она прилегла на диван и провалилась в глубокий сон.

Последней мыслью, мелькнувшей в засыпающем сознании, было: «В храм мне теперь нельзя. Пару месяцев, а то и больше. Он же пошлёт искать...». Она интуитивно, на уровне звериного чутья, поняла это. Казанский собор, ставший её первой точкой на карте Самары, теперь был для неё ловушкой

В это же самое время, но через сутки в Москве Антон метался по своей квартире. Пепельница на подоконнике была полна окурков. А ведь он так давно уже бросил курить. Телефон, зажатый в руке, раскалился.

- Водилу нашли, отследили по телефону, тормознули уже на обратной дороге в Москву. Он не знает куда она поехала дальше в Самаре, он высадил ее у храма в центре и поехал разгружаться, на дороге не разговаривали, сказал вздрагивала и плакала, не стал расспрашивать, в душу лезть — докладывал Виктор.

— Что значит «высадил у храма»? Какого храма, блин?!

— орал Антон в трубку, бессонная ночь давала знать отсутствием выдержки.

— Антон Андреевич, водила сказал, что Люда попросилась именно там. У Казанского собора, в центре. Он её высадил и уехал, — голос Виктора был спокоен и устал.

— Значит, так, — Антон сделал глубокий вдох, пытаясь взять себя в руки. Люда взяла и исчезла. Сбежала. Это было так дико, так невозможно, что у него внутри всё кипело от ярости и странного, незнакомого ему чувства — страха потери, вдруг он ее не найдет вот уже вторые сутки. — Виктор, бери людей, езжай в этот храм. Толпа же там не каждый день ходит? Найди бабок, которые свечки продают, сторожих, кого угодно. Распечатай её фото. Кто-то должен был её видеть, с кем-то она говорила. Она просто так туда не поехала. Скажи муж ищет, пропала. Ее храм в Москве прошерсти, должны быть какие-то зацепки. Там все друг другу помогают. Хотя нет, давай я в ее храм съезжу, я был там с ней, нас видели вдвоем, будут лояльнее относиться к вопросам.

— Понял, — коротко ответил Виктор.

— И Виктор... — Антон понизил голос, — она не могла далеко уйти. Она без денег, без ничего. Она где-то там. Найдите её.

Он отключился, закрыл глаза. В голове билась одна мысль: «Как она там одна, без него, без поддержки, среди незнакомых людей? Лучше бы она осталась здесь, он бы хотя

бы знал, что с ней все в порядке, он бы не попросил у нее ни одного поцелуя, просто бы смотрел на нее издали и был спокоен, у него было бы время решить вопрос с женитьбой, может не сразу, но со временем, он бы это сделала, но она напылила, сделала только по-своему, превратила его грудь в сплошную рану».

Добавьте книгу в библиотеку — чтобы не потерять

★ *Поставьте звезду* на главной странице — для меня это лучшая награда

Подпишитесь на автора — чтобы не пропустить новые главы и будущие романы

А ещё здесь можно оставлять комментарии. Мне очень важно знать, что вы думаете. ##

Глава 3. Город, который помнит купцов

Люда проснулась от запаха жареной картошки.

Она не сразу поняла, где находится. Потолок был низким, деревянным, незнакомым. За окном — темнота, в щель между занавесками подглядывал уличный фонарь. Рыжий кот Семён спал в ногах, свернувшись калачиком, и только когда Люда пошевелилась, он приоткрыл один глаз, осуждающе зыркнул и снова закрыл.

С кухни доносился женский голос, что-то напевающий, и шкворчание на сковороде.

Клавдия.

Люда села на диване, провела рукой по лицу. Сколько она проспала? Часы показывали половину девятого вечера. Весь день, выходит, провалялась. Тело ломило, но уже не так, как утром — сказывался долгий сон. Она натянула свитер, сунула ноги в джинсы и пошла на запах.

Кухня была маленькой, но удивительно уютной. Стол, покрытый клеенкой в цветочек. На плите шипела сковорода с картошкой, а Клавдия, уже переодетая в домашний халат, ловко резала лук.

— О, проснулась, соня! — обернулась она, увидев Люду в дверях. — А я уж думала, ты до утра проспишь. Садись,

садись, сейчас ужинать будем.

— Клавдия Петровна, простите, я весь день... — начала Люда виновато.

— Цыц! — Клавдия шлепнула ее полотенцем по плечу. — Какая я тебе Петровна? Я Клава. И не извиняйся. Тебе силы восстанавливать надо. Вон как тебя жизнь потрепала, глаз не видно. Садись, говорю.

Люда села за стол. Клавдия поставила перед ней тарелку с горой румяной картошки, отдельно — глубокую миску с квашеной капустой и тарелку с солеными огурцами — пупырчатыми, пахнущими укропом, явно своего посола.

— Это всё своё? — спросила Люда, кивая на огурцы.

— А то! — Клавдия гордо подбоченилась. — У меня мама в деревне, в Сызранском районе. Капусту квасит — пальчики оближешь. Огурцы по старинному рецепту, с дубовым листом. Ешь давай, не смотри.

Люда отломил кусок картошки, положила в рот и чуть не застонала от удовольствия. Простая жареная картошка, но такая вкусная — с луком, с хрустящей корочкой, домашняя.

— Вкусно, — сказала она с набитым ртом.

— А то! — Клавдия села напротив, налила себе чаю из большого заварного чайника. — Ну, рассказывай. От кого бежишь-то?

Люда поперхнулась, закашлялась. Клавдия смотрела на нее спокойно, без осуждения, просто ждала.

— Я не бегу, — тихо сказала Люда. — Я... ушла.

— От мужика?

Люда кивнула, не поднимая глаз.

— Бил?

— Нет, что вы! — Люда даже испугалась такой мысли. — Он никогда... Он просто... — она замолчала, подбирая слова. — Он сильный. Очень сильный. Рядом с ним я переставала быть собой. Я становилась его тенью. Его отражением. Я не могла дышать, понимаете?

Клавдия молчала, только кивала, жуя огурец.

— Я любила его. Люблю до сих пор, — голос Люды дрогнул. — Но я не могу так больше. Он не давал мне обещаний. Не предлагал ничего. Просто держал рядом. И я держалась. А потом поняла: если не уйду сейчас — пропаду. Растворюсь в нем совсем. И уже никогда не соберу себя обратно.

— Сбежала, значит, — Клавдия вздохнула. — Дело женское, обычное. Только редкая которая бежит. Больше терпят. Молодцы вы, которые бежите. Себя бережете.

— Он ищет меня, — Люда подняла глаза. — Он очень влиятельный. У него деньги, связи, люди. Он найдет, если я не спрячусь хорошо.

— Найдет, — согласилась Клавдия спокойно. — Если захочет — найдет. Вопрос — когда. Ты наша, церковная, Мария Ивановна поручилась. Значит, будем прятать.

Она отложила огурец, вытерла руки о халат и посмотрела на Люду внимательно, по-деловому.

— Слушай сюда. У нас на комбинате генеральный — Эду-

ард Петрович. Мужик золотой. Ты не думай, что раз богатый, значит, козел. Он нашему храму помогает постоянно. И деньгами, и делом. Сам на субботники приходит, представляешь? Выходные, все шишки по домам сидят или в храме свечки держат, а он с лопатой снег чистит у храма. Не кичится. Добрый, душевный человек.

Клавдия понизила голос, хотя в доме никого не было:

— Жена у него умерла. Лет пять назад. Дочку родила, а здоровье слабое было, поздние роды... В общем, не выжила, осложнения какие-то и заморские врачи не помогли, возил он ее по Европам. Остался он один с девчонкой. И что ты думаешь? Не женился. Не привел молодую в дом. Говорят, предлагали ему, сватали, чуть ли не в дочери годилась жена новая, а он отказывается. Говорит, память жены чтит и дочке мачеха молодая такая не нужна. Так и живут вдвоем. Дочка у него уже большая, в школу ходит, в каком классе — не скажу.

— И что мне Эдуард Петрович? — не поняла Люда.

— А то, — Клавдия пододвинулась ближе. — Я завтра пойду к нему по рабочим делам, ну и замолвлю словечко. У нас на комбинате девочка одна есть, Марина, по больницам сейчас ходит. А по документам она числится, рабочее место за ней держат. Но работать-то она не ходит. А ты бы могла по ее трудовой книжке ходить. По ее пропуску. Ей стаж идет, тебе зарплата капает. Нелегально, конечно, но кто узнает? Главное — паспорт твой нигде светить не надо.

Люда задумалась. Предложение было рискованным, но за-

манчивым.

— А если проверка?

— Какая проверка? — отмахнулась Клавдия. — У нас комбинат свой, самарский, на закрытой территории. Никто не проверяет. А если что — Эдуард Петрович прикроет. Он своих в обиду не дает.

— А ему зачем это?

— А ему — доброе дело сделать, — Клавдия пожала плечами. — Он такой. Если может помочь — помогает. Тем более женщине в беде. Я ему так и скажу: подруга моя из Москвы приехала, от мужика бежит, паспорт светить не может, а работать надо. Думаешь, откажет?

Люда молчала, ковыряя вилкой картошку.

- Да, зачем я ему чужая такая сдалась, еще рисковать из-за меня?

— Ладно, — Клавдия встала, собирая посуду. — Ты спи давай. Завтра видно будет. Я утром на работу, ты не вставай, отдыхай. А вечером расскажу, что Эдуард Петрович сказал, нет так нет, придумаем что-нибудь.

Она ушла в свою комнату. Люда еще посидела на кухне, глядя в темное окно. Потом достала из рюкзака старый ноутбук — единственную дорогую вещь, которую взяла с собой, — и открыла браузер.

Глава 3. 2 часть

Утро встретило Люду тишиной и морозным узором на окне.

Она проснулась сама, без будильника. Часы показывали восемь. Клавдии уже не было — ушла на смену. На столе под полотенцем ждали свежие плюшки, в чайнике заварка, а на плите — кастрюлька с кашей, еще теплая.

Люда улыбнулась. Простая забота согревала лучше любого чая.

Она умылась ледяной водой в маленькой ванной, причесалась, натянула вчерашний свитер. На кухне поела кашу — и села с ноутбуком за стол.

Сайты для фрилансеров-дизайнеров она знала хорошо. Когда-то, много лет назад, до Москвы, она подрабатывала на биржах. Но тогда конкуренция была меньше. А сейчас...

Люда зарегистрировалась на двух крупных площадках, заполнила профиль, загрузила портфолио. И начала искать заказы.

Через час она поняла, что дела плохи.

Дизайнеров было море. Цены — копеечные. Новички брали заказы по пятьсот рублей за логотип, по тысяче — за сайт. Работать за такие деньги было невозможно — это даже интернет не окупало. А нормальные заказы висели в закрытых разделах, доступных только после оплаты аккаунта.

Люда вздохнула и заплатила. Две тысячи рублей ушли на подписку. Теперь можно было видеть все заказы.

Она подавала заявки. Одну, вторую, пятую, десятую. Дизайн визиток, разработка фирменного стиля, верстка лендинга. Ответов не было.

Через три часа она откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Голова гудела. Ноль. Ни одного заказа. Только потраченные деньги и чувство, что она зря теряет время.

— Так нельзя, — сказала она вслух. — Надо что-то решать.

С деньгами было не очень. Наличные, которые она взяла с собой, казались большой суммой, но если только тратить и не зарабатывать... Через пару месяцев они закончатся. А купить нужно было многое: смена белья, джинсы на смену, колготки, обувь полегче — в зимних ботинках скоро будет жарко. А потом весна, и надо будет покупать весеннее. И платить за коммуналку, за свет, за воду. Клавдия, конечно, добрая, но сидеть у нее на шее Люда не могла.

Она оделась потеплее — куртка, шапка, шарф — и вышла на улицу.

Самара встретила ее морозцем и солнцем.

Люда пошла без цели — просто гулять, разведать район. От своей улицы она спустилась к центру, туда, где начинались старые улицы.

И вдруг остановилась.

Перед ней был дом — двухэтажный, кирпичный, с резны-

ми наличниками и лепниной под крышей. Дореволюционный, явно купеческий. Табличка на стене сообщала, что это памятник архитектуры конца XIX века.

Люда засмотрелась. Она представила, как сто лет назад по этой улице ходили купцы в длинных сюртуках, купчихи в пышных юбках, цокали подковы лошадей, гремели пролетки. В этом доме, наверное, жил какой-нибудь богатый мукомол — Самара же славилась мукой, купеческая хлебная столица. Может, у него была дочка на выданье, и по вечерам в окнах горел свет, играла музыка, собирались гости.

Она пошла дальше. Улица Ленинградская (бывшая Дворянская) дышала историей. Старинные особняки, кованые решетки, лепные фасады. Люда читала таблички: дом купца Курлиной, особняк Клодта, гостиница «Националь»... Город был живым, настоящим, не выхолощенным стеклом и бетоном, как Москва.

Ей нравилось здесь. Очень.

В какой-то момент она вышла на спуск к Волге и снова замерла. Река лежала внизу, седая, спокойная, вечная. Днем она казалась еще шире, еще величественнее. Люда постояла, глядя на ледяные торосы, на дальний берег, едва видный в дымке, и почувствовала, как внутри разливается тепло.

— Я справлюсь, — прошептала она ветру. — Обязательно справлюсь.

Она нашла небольшой торговый центр, купила смену белья, дешевые джинсы и пару футболок. Деньги таяли на гла-

зах. На обратном пути зашла в продуктовый, взяла молоко, хлеб, яйца, масло, тушенку — чтобы хоть немного отблагодарить Клавдию.

Когда вернулась в домик, уже темнело. Рыжий Семён встретил ее у порога, потерся о ноги и потребовал еды. Люда налила ему молока в плошку, погладила по пушистой спине и села на диван, глядя в одну точку.

Ни одного заказа. Ничего.

— Завтра будет новый день, — сказала она коту. — Правда, Сёма?

Кот мурлыкнул, не отрываясь от молока.

А в Москве Антон сидел в машине напротив храма, куда они с Людой ходили вместе. Он уже поговорил со свечницами, с уборщицей, с батюшкой. Показал фото.

— Мария Ивановна? — переспросила пожилая женщина за свечным ящиком. — А как же, знаю. Она у нас староста. Только её сейчас нет, она в отъезде.

— В каком отъезде? — насторожился Антон.

— В паломничество поехала, по святым местам. А вернётся через неделю. Вы заходите позже, милоч.

Антон вышел из храма и сел в машину. Неделя. Он не мог ждать неделю. Люда была где-то там, одна, без денег, без защиты, и от этой мысли у него внутри всё переворачивалось. Он достал телефон, набрал Виктора.

— Что по Самаре?

— Люди в храме, — ответил Виктор. — Дежурят пока. Но

тихо. Никто её не видел.

— Ищите дальше. Опросы, магазины, остановки. Она не могла просто исчезнуть. Если только не поехала куда-то дальше. Родителей поставь на прослушку. Должна же она им позвонить рано или поздно.

Антон отключился и устало откинул голову на подголовник. Люба, ну где же ты? Что ты творишь, девочка, попугала меня и хватит, давай объявляйся, купи что-нибудь по банковской карте или засвети где-нибудь паспортом, я приеду, я увезу тебя, все будет хорошо, только появись.

От автора: Девочки (и мальчики, если вы тут есть)!

Писательство — штука тихая и одинокая. Сидишь себе, стучишь по клавишам, придумываешь судьбы... А так хочется знать, что это кому-то нужно!

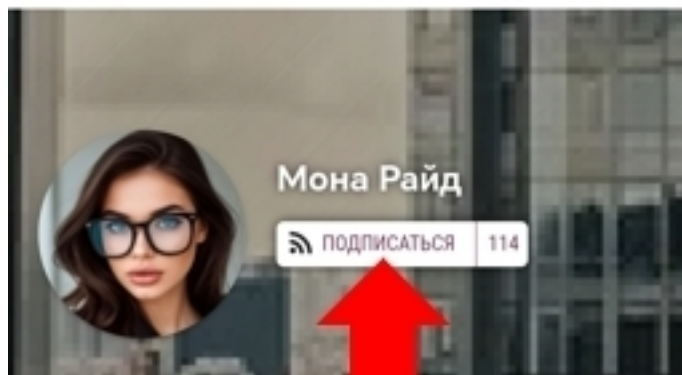
Поэтому буду очень благодарна, если вы:

★ Поставите звёздочку книге — это как погладить котика, только автора.

Добавьте в библиотеку — чтобы не потерять Люду, Волгу и рыжего Семёна.

🔔# Подпишетесь на профиль — тогда точно не пропустите, чем всё закончится.

Спасибо, что читаете. Вы — лучшее, что есть в этой истории ❤️#

РОМАНЫ

БЛОГ

КОММЕНТИРОВАЛ

Сортировать

По умолчанию

Когда тебя нет рядом

Мона Райд

★ 200 ↻ 151стр.

В тексте: босс и подчинённая, противостояние харак..., развод эмоционально

В процессе

Эту девушку нельзя...

Мона Райд

Глава 4. Человек, который не боится чужих тайн

Клавдия пришла с работы позже обычного, уже в восьмом часу. Люда слышала, как хлопнула калитка, как заскрипели половицы в прихожей, как Клавдия с кем-то разговаривала — с котом, наверное. Семён согласно мурлыкал в ответ.

— Людк, ты не спишь? — крикнула Клавдия из прихожей.

— Не сплю, — отозвалась Люда, откладывая ноутбук.

Она весь день провела на сайтах фрилансеров — безрезультатно. Несколько заявок, ни одного ответа. Деньги за подписку списались, а заказов как не было, так и нет.

Клавдия ввалилась на кухню, скинула пуховик на спинку стула и села, тяжело выдохнув. Лицо у нее было красное с мороза, глаза блестели.

— Ну, была я у Эдуарда Петровича, — сказала она без предисловий. — Говорила про тебя.

Люда напряглась.

— И что?

— И то, — Клавдия отломил кусок хлеба, макнула в оставшееся от завтрака масло. — Выслушал он меня. Внимательно так, по-доброму. А потом говорит: "Клавдия Петровна, вы женщина уважаемая, я вам верю. Но история мутная. Сами посудите: женщина из Москвы бежит, паспорт светить

не может, работать хочет нелегально. Я должен с ней лично поговорить. Пусть приходит. И паспорт пусть берет с собой".

— В смысле — с паспортом? — испугалась Люда. — Клавдия, я же говорила...

— А ты дослушай, — перебила Клавдия. — Не для того, чтобы светить. Для него, для внутреннего спокойствия. Он мужик серьезный, рисковать не любит. Посмотрит паспорт, поймет, что ты не в розыске уголовном, не аферистка какая, и — все. Внутреннее дело комбината, никуда твои данные не уйдут. Он пообещал.

Люда молчала, переваривая.

— А если он... ну, не знаю. Если он Антону сообщит? — спросила она тихо.

Клавдия даже поперхнулась от возмущения.

— Ты что, девка, дура? — замахала она руками. — Эдуард Петрович — предатель, что ли? Да он своим словом дорожит! Если пообещал не светить — значит, не светит. И вообще, ты его не знаешь. Вот пойдешь, поговоришь — поймешь, какой это человек.

Люда вздохнула. Выбора не было.

— Ладно. Пойду.

— Завтра с утра, — кивнула Клавдия. — Я на проходной скажу, тебе закажут пропуск. По паспорту, но это внутри, никуда не уйдет, не бойся.

Утро выдалось морозным, но солнечным. Люда надела единственную приличную одежду — чистый свитер и джин-

сы новые. Волосы стянула в низкий хвост, потом распустила. подвела глаза — надо же выглядеть прилично перед директором.

Клавдия ушла рано, оставив инструкции: подойти к проходной, сказать, что к Эдуарду Петровичу, пропуск заказан.

Так и вышло. Вахтерша — уже другая, помоложе — проверила паспорт, сверила с какой-то бумажкой, выдала пластиковую карточку:

— Третий этаж, приемная. Лифт прямо, потом налево.

Комбинат гудел, пахло молоком, стерилизацией и еще чем-то сладковатым. По коридорам сновали люди в белых халатах, толкали тележки с продукцией, переговаривались. Люда прошла через турникет, нашла лифт, поднялась на третий этаж.

Приемная оказалась просторной, с большими окнами и кожаными диванами. Секретарша — молодая миловидная девушка в строгой блузке — подняла голову:

— Вы Людмила? Проходите, Эдуард Петрович ждет.

Люда толкнула тяжелую дубовую дверь и вошла.

Кабинет был большим, но не подавляющим. Высокие потолки, панорамное окно во всю стену — за ним угадывались крыши Самары и где-то далеко серая лента Волги. Стол — массивный, темного дерева, но не захламленный. Ноутбук, стопка бумаг, стакан с недопитым чаем. На стене — несколько картин с видами города, на подоконнике — живые цветы в горшках. И книги. Много книг — стеллаж во всю стену, не

для красоты, а явно читанные, с закладками.

Из-за стола поднялся мужчина.

Высокий. Очень высокий — Люда была немаленького роста, но рядом с ним почувствовала себя почти девочкой. Крупный, но не рыхлый — косая сажень в плечах, чувствовалось, что в молодости спортом занимался, да и сейчас форму держит. Костюм дорогой, темно-серый, сидит идеально. Лицо... Лицо было добрым. Спокойные серые глаза, легкая седина на висках, морщинки у глаз — не злые, а те, что появляются, когда человек часто улыбается. Лет сорок шесть, не больше.

— Здравствуйте, Людмила, — голос низкий, спокойный, обволакивающий. — Проходите, садитесь. Чай, кофе?

— Здравствуйте. Спасибо, ничего не нужно, — Люда села в кресло напротив стола.

Эдуард Петрович кивнул, уселся сам, сложил руки на столе. Смотрел внимательно, но без давления — изучающе, но по-доброму, спокойно. Люда даже занервничала.

— Клавдия Петровна мне про вас рассказала. Не всю историю, конечно, но суть я понял: вы из Москвы, ищете временное убежище и работу. Паспорт показывать не хотите по причинам личного характера. Я ничего путаю?

— Нет, все верно, — тихо ответила Люда.

— Можно ваш паспорт?

Она достала из сумки паспорт, протянула через стол. Эдуард Петрович взял его, пролистал, посмотрел на страницу с

пропиской, на фото. Кивнул, вернул обратно.

— Документы ваши нам придется проверить, если вы хотите у нас работать, — сказал он. — Я, знаете ли, не люблю сюрпризов от правоохранительных органов. А так — моя служба безопасности проверит, но аккуратно. Никуда ваши данные не уйдут, обещаю.

Люда выдохнула.

— Спасибо...

— Да не за что пока, — перебил Эдуард Петрович. — Клавдия Петровна говорит, вы работать хотите. У нас на комбинате есть вариант с оформлением по другой трудовой — но это временно, пока не решите свои вопросы. Но я сначала хотел с вами поговорить. Расскажите о себе. Чем занимались в Москве?

Глава 4. 2 часть.

— Я дизайнер, — Люда оживилась. — Верстальщик, немного графический дизайн. Работала на предприятии, делала дизайн упаковки, этикетки, корпоративные буклеты, листовки.

— Дизайнер, — Эдуард Петрович приподнял бровь. — Интересно. Покажете что-нибудь?

Люда достала ноутбук, открыла портфолио. Эдуард Петрович встал, обошел стол, присел рядом — близко, но не нарушая границ, смотрел внимательно, листал работы.

— Неплохо, — сказал он спустя минуту. — Очень даже неплохо. У вас чувствуется стиль. Не шаблонно, не как у всех. Вы где учились?

— Художественно-графический факультет, я художник-график, дизайном занялась случайно, понравилось, много работала в типографиях и на производствах пищевых, — Люда улыбнулась. — В Москве на курсы ходила, повышения квалификации.

— Мне нравится ваш уровень работ по упаковке, — Эдуард Петрович вернулся в свое кресло. — Слушайте, Людмила, у меня есть предложение. Не то, о котором просила Клавдия Петровна.

Она насторожилась.

— У нас на комбинате есть отдел рекламы. Свои дизай-

неры работают, но с объемами иногда не справляются. Мы пользуемся услугами крупного московского агентства, но они, во-первых, дорогие, во-вторых, медленные. А бывают срочные задачи: упаковку подправить, листовку к выставке, макет для соцсетей. Не тянет на агентский заказ, а делать надо.

— Вы предлагаете...

— Я предлагаю вам работу, — Эдуард Петрович улыбнулся. — Фриланс, удаленка. Никаких документов не надо. Я дам вам контакт начальника отдела рекламы, он будет скидывать задачи. Вы делаете, присылаете, мы платим. По деньгам не обижу — посмотрю по результатам, но стартово нормально, не хуже, чем на комбинате рабочим. И паспорт ваш нигде светиться не будет. Устраивает?

Люда не верила своим ушам. Это было лучше, чем она могла мечтать.

— Эдуард Петрович... Я даже не знаю, как благодарить...

— Не надо благодарить, — остановил он. — Я не из благотворительности. Мне нужен хороший дизайнер, который будет делать быстро и качественно. А вы, судя по портфолио, именно такая. Это бизнес, Людмила. Просто бизнес. Мне хорошо и вы довольны.

Он снял трубку внутреннего телефона:

— Ольга Сергеевна, зайдите, пожалуйста.

Через минуту в кабинет вошла женщина лет пятидесяти, строгая, в очках, с папкой в руках.

— Знакомьтесь, это Ольга Сергеевна, начальник отдела рекламы. Ольга Сергеевна, это Людмила, наш новый внештатный дизайнер. Будет помогать вам с оперативными задачами. Свяжетесь, расскажете, что нужно, наладите процесс. Людмила, отдайте ей свои контакты.

Ольга Сергеевна кивнула, оценивающе оглядела Люду, но без враждебности — скорее с профессиональным интересом. Обменялись телефонами, договорились, что Люда напишет на почту.

Когда она вышла, Эдуард Петрович снова повернулся к Люде:

— Ну что ж, с Богом. Надеюсь, сработаемся. Если что-то нужно — обращайтесь напрямую.

Она кивнула и вышла из кабинета, чувствуя, как внутри разливается тепло.

А Эдуард Петрович остался один.

Он подошел к окну, заложил руки за спину. Смотрел на город, на Волгу вдалеке, но видел перед собой совсем другое.

Эту женщину. Людмилу.

Когда она вошла — худенькая, замерзшая, с этими пепельно-русыми волосами, с большими глазами, в которых читалась такая усталость и такая боль, что у него внутри что-то сжалось. Она села в кресло, сцепила руки на коленях, смотрела настороженно, как птичка, готовая взлететь в любую секунду.

И вдруг он поймал себя на мысли, что ему хочется ее об-

нять. Просто подойти, обнять, прижать к себе и ничего не спрашивать. Согреть.

«Сдурел, старый?» — одернул он себя.

Четырнадцать лет разницы. Ей тридцать. Молодая совсем. А он уже седой, с дочкой, с грузом прошлого за плечами. И что он может ей предложить? Работу? Деньги? Заботу? А если она смотрит на него просто как на доброго дяденьку, который помог?

Но когда она улыбнулась, показывая портфолио, у него в груди екнуло. Губы у нее нежные, улыбка теплая, а глаза... Господи, глаза у нее такие, что хочется смотреть и смотреть.

Он даже не сразу понял, что происходит. А когда понял — усмехнулся сам себе.

Вот так, Эдуард Петрович. В сорок шесть лет, после пяти лет вдовства, после того как ты уже думал, что все эти гормоны давно перегорели, — бац, и приехали. Стоишь у окна, смотришь на Волгу и думаешь о женщине, которую видел первый раз в жизни.

И в штанах — тоже движение. Честно скажем, давно такого не было.

— Твою ж дивизию, — сказал он вслух пустому кабинету.

Надо будет паспорт ее пробить через службу безопасности. Не потому что не доверяет, а потому что... мало ли. Вдруг она от мужа бежит? Вдруг там криминал? Надо знать, от кого защищать.

А защищать хотелось. Очень.

Он сел в кресло, потер лицо ладонями.

— Эх, Эдуард Петрович, — вздохнул он. — Вляпался ты по самые помидоры. А дочке своей как объяснишь, что папа на молодую запал?

Посмотрел на дверь, за которой только что скрылась Люда. И подумал: лишь бы ей было хорошо. Лишь бы он смог ей помочь.

А Люда шла по коридору комбината и не верила своему счастью.

Работа. Настоящая работа, дизайнерская, с нормальной оплатой. И никаких документов, никакой опасности. И этот Эдуард Петрович... Какой же он, оказывается, простой, добрый, нормальный. Без понтов, без подкатов, без этих липких взглядов, к которым она привыкла в Москве. Посмотрел портфолио, оценил профессионально, предложил дело. И все. Никаких намеков, никаких "а давайте поужинаем", никаких скользких комплиментов.

Хороший человек. Порядочный. И Клавдия права — таких мало.

Она вышла с комбината, вдохнула морозный воздух и улыбнулась солнцу.

Волга ждала внизу. Работа будет. Жизнь налаживается.

А Антон... Антон остался в Москве. Далеко. И слава Богу. Пускай у него тоже все будет хорошо.

От автора:

Дорогие читатели!

Если вам откликается история Люды, если вы переживаете за неё и ждёте новых глав — не потеряйте продолжение!

☆☆ Подписывайтесь на автора, чтобы первыми узнавать о выходе новых книг.

★ И поставьте звёздочку на главной странице — так книга всегда будет под рукой.

Спасибо, что вы со мной! Ваша поддержка — лучшее топливо для вдохновения ♥#

Глава 5. Звонок, которого она ждала и боялась

Антон плохо спал третьи сутки.

На огромном стеклянном столе — остатки еды из доставки, три чашки с остывшим кофе, раскрытый ноутбук и разбросанные распечатки. Антон сидел в кресле, сжимая телефон, и смотрел в одну точку на стене. Нужно собраться и поехать на работу, у него куча обязательств, которые нужно выполнять.

Телефон зажужжал. Антон схватил его, едва не выронив.

— Ну? — голос сел, сорвался.

— Антон Сергеич, это Виктор. Я в Самаре. — голос из динамика звучал устало, но четко. — Обошел все, что можно, вокруг Казанского собора. Магазины, ларьки, остановки. Никто ее не помнит.

— А храм? — Антон вцепился в трубку.

— Храм большой. Бабки у свечных ящичков меняются, сторожа тоже. Мы с фото обошли всех, кто там постоянно торчит. Три тетки сказали, что видели похожую в то утро. Одна говорит — вроде была молодая, с рюкзаком, стояла на площади, потом ушла в сторону остановки. Другая говорит — вроде не было никого. Третья вообще перепутала. Никакой конкретики.

Антон сжал челюсти так, что зубы заскрипели.

— А Мария Ивановна? Из ее храма?

— Мы не можем к ней подойти, — в голосе Виктора слышалось сожаление. — Она в отъезде. Уехала в паломничество через три дня после того, как Люда пропала. Вернется через неделю. Мы оставили людей у храма в Москве, как только она появится — сразу перетрясут. Но пока — глухо.

— Значит, ждать, — Антон встал, подошел к окну. Внизу текла Москва-река, черная, холодная, чужая. — А ты в Самаре что делаешь?

— Люди работают. Обходим все храмы, мало ли. Она могла пойти куда-то еще. Опрашиваем таксистов, частников. Кто-то же ее вез. Она не могла пешком уйти далеко с рюкзаком.

Антон молчал. Пальцы сами собой сжимались в кулак.

— Виктор, — голос сел почти до шепота. — Ты понимаешь, что она там одна? Без денег, без вещей, без защиты. Она пропадет.

— Она не пропадет, — спокойно ответил Виктор. — Она сильная. Вы же сами говорили.

— Я говорил другое. Я говорил, что она моя. И она моя. Найди ее.

— Ищу.

Антон отключился и швырнул телефон на диван. Аппарат мягко утонул в подушках. Антон закрыл глаза.

— Люда, — прошептал он в пустоту. — Где же ты? Вер-

нись.

Телефон молчал. Город гудел за окном. А Люды не было.

Самара. Две недели спустя

Люда сидела за ноутбуком на кухне в домике Клавдии и смотрела на пустой почтовый ящик.

За две недели она сделала три заказа. Три. Один — буклет для какой-то выставки, второй — правка макета упаковки для творога, третий — смешной баннер для соцсетей. Оплата передали в конверте через Клавдию, но смешную. На жизнь хватит, если экономить, но не больше.

Ольга Сергеевна, начальница отдела рекламы, была вежлива, но холодна. Заказы скидывала редко, мелкие, и каждый раз с формулировкой: «Срочно, бюджет ограничен». Люда чувствовала, что ее используют как подушку безопасности — когда у основных подрядчиков завал, она подхватывает, а когда тишина — о ней забывают.

Она пыталась не думать плохо. Может, правда объемов мало? Может, агентства просто быстрее? Но вечером, когда они с Клавдией пили чай, Клава только рукой махнула.

— Да ладно тебе! — фыркнула она, откусывая плюшку. — Я ж эту Ольгу знаю. Она небось откаты с агентств получает. Ты видела, на чем она ездит? «Лексус» прошлогодний, в Самаре таких — раз-два и обчелся. Откуда у начальницы отдела рекламы такие деньги? То-то же.

— Клава, ну может, муж богатый? — робко предположила

Люда.

— Муж у нее инженер на заводе, — отрезала Клавдия. — Я все про всех знаю. Небось агентства ей за заказы отстегают, а тебя, бедную, объедают. Надо Эдуарду Петровичу сказать.

— Не надо! — испугалась Люда. — Клава, пожалуйста, не надо. Он и так мне помог, работу дал. Неудобно жаловаться, я ж новенькая. Еще подумает, что я выскочка или хапуга.

— Ну, смотри, — Клавдия недоверчиво покачала головой. — Твое дело. Но я б на твоём месте ему позвонила. Он же сам сказал — если что, обращайся напрямую.

Люда молчала. Визитка Эдуарда Петровича лежала в кошельке, завернутая в бумажку, чтобы не стерлась. Люда доставала ее несколько раз, смотрела на тисненые буквы: «Эдуард Петрович Ветлугин, генеральный директор». И убирала обратно.

Неудобно. Страшно. А вдруг он подумает, что она навязывается? А вдруг ему не до нее? А вдруг она ему надоест со своими проблемами?

— Ладно, завтра позвоню, — пообещала она себе в сотый раз.

Утром она проснулась с этим обещанием. Умылась, сварила кофе, села за стол. Телефон с визиткой лежал рядом. Люда смотрела на него, набиралась смелости, снова откладывала. Ну что она скажет? «Эдуард Петрович, у меня мало заказов»? А он спросит: «А сколько вы сделали?» А она от-

ветит: «Три за две недели». И он подумает: «Может, вы плохо работаете?»

Замкнутый круг.

Она уже почти решила не звонить, когда телефон в руке завибрировал, засветился экран. Незнакомый номер. Самарский.

— Алло? — Люда ответила, чувствуя, как колотится сердце.

— Людмила? Доброе утро. Эдуард Петрович беспокоит. У нее перехватило дыхание.

— Доброе утро, Эдуард Петрович, — выдавила она.

— Не разбудил?

— Нет-нет, я уже давно встала.

— Как вы там? Осваиваетесь? — голос у него был низкий, спокойный, домашний. — Как заказы, успеваете? Достаточно работы?

Люда замялась. Сказать правду? Не сказать? А он сам спросил.

Глава 5. 2 часть.

— Эдуард Петрович, если честно... работы пока немного. Но я готова делать больше, если нужно.

Пауза. Она слышала, как он вздохнул.

— А что именно вам передавали? — спросил он деловито.

Люда перечислила три заказа. Описала, что делала. Эдуард Петрович слушал молча, потом коротко сказал:

— Понял. Я разберусь.

— Не надо, пожалуйста... — начала Люда, но он перебил:

— Людмила, я обещал вам работу. Значит, работа будет.

Это мои проблемы, не ваши. Вы не переживайте.

Она выдохнула.

— Спасибо...

— Еще есть дело, — голос его изменился, стал чуть неувереннее, что ли. — Можно личное?

— Конечно.

— У меня дочка, Катя. Семь лет. Очень любит рисовать, ходит в художественную школу. Элитную, между прочим, с лучшими педагогами. Но она часто болеет, пропускает. И очень переживает из-за этого. Говорит, что отстает, что не понимает каких-то вещей.

— Я слушаю, — осторожно сказала Люда.

— В выходные в краеведческом музее открывается выставка самарских художников. Что-то современное, я в этом

не разбираюсь совсем. А Катя хочет пойти. Я подумал... Вы же дизайнер, художник, разбираетесь. Может, составите нам компанию? Посмотрите, расскажете, что к чему. Кате будет полезно послушать профессионала, проветриться после болезней. Ну и мне... ну, скажем так, мне нужен проводник в этом мире искусства.

Люда улыбнулась. Так трогательно. Большой, серьезный мужчина, директор комбината, а признается, что не разбирается в живописи.

— С удовольствием, Эдуард Петрович, — ответила она. — Когда?

— В субботу, в двенадцать. Удобно?

— Вполне.

— Я заеду за вами? Или встретимся у музея?

Люда подумала. Светиться с ним на людях — может, небезопасно? Но музей — место публичное, и Антон далеко. Да и просто пройтись, поговорить, увидеть живых людей... Она так устала сидеть взаперти.

— Давайте у музея встретимся, — решила она. — Я сама доберусь.

— Хорошо. Тогда до субботы, Людмила. И не переживайте за работу — все будет.

Он попрощался и отключился.

Люда сидела с телефоном в руке и глупо улыбалась. Выставка. Люди. Искусство. И этот странный, большой, добрый человек, который так заботливо о ней спрашивает.

На душе стало тепло.

В это же время в кабинете Эдуарда Петровича

Он положил трубку и откинулся в кресле. Сердце колотилось, как у мальчишки. Черт, ну что за ерунда? Пятьдесят лет почти, седина в бороде, а он волнуется, как перед первым свиданием.

Он долго не мог решиться на этот звонок. Два дня ходил вокруг да около, придумывал поводы. То хотел спросить про работу, то про Клавдию, то просто поздравить с чем-нибудь. Но все было не то, не так.

А вчера вечером Катя принесла рекламку выставки. «Пап, пойдем? Там такие художники! Мне в школе задали реферат про современное искусство Самары». И он сразу понял — вот оно. Повод. Идеальный, естественный, не притянутый за уши.

Он позвонил, и когда услышал ее голос — тихий, немного усталый, но такой теплый, — у него внутри все перевернулось.

«Людмила, — думал он, глядя в окно на Волгу. — Людмила. Какое имя красивое. Милая людям. А сама такая... ладная. Нежная. Глаза грустные, но светлые. Волосы эти пепельные — как покрывало, хочется потрогать. Губы...»

Он одернул себя.

— Прекрати, старый дурак. Шестнадцать лет разницы. Она на тебя смотрит как на начальника, не больше. А ты ту-

да же — губы, волосы...

Но в штанах шевельнулось знакомое тепло. Давно забытое, почти похороненное. Он даже удивился — откуда? После смерти жены он думал, что все эти желания умерли вместе с ней. Пять лет тишины. А тут — бац, и на тебе.

— Ладно, — сказал он вслух пустому кабинету. — Посмотрим. Пока просто поможем. Пока просто поговорим. А там видно будет.

Он набрал внутренний номер:

— Ольга Сергеевна, зайдите, пожалуйста.

Через минуту начальница отдела рекламы стояла перед ним, нервно теребя папку.

— Ольга Сергеевна, я смотрел объемы заказов, которые вы передаете внештатному дизайнеру Людмиле. — Голос его был ровным, но в глазах появился стальной блеск. — Три мелких заказа за две недели. При том, что агентствам мы платим в пять раз больше за те же объемы. Есть объяснения?

Ольга Сергеевна побледнела.

— Эдуард Петрович, просто агентства работают быстрее, у них налажен процесс...

— А вы проверяли, сколько они берут за срочность? И сколько вы платите Людмиле? Я проверю. Все договоры, все платежи. И если увижу, что кто-то получает откаты, разговор будет короткий. Свободны.

Она вышла, а он снова повернулся к окну.

До субботы оставалось три дня. Эх, нужно дождаться.

От автора:

Друзья! ## Жмакайте «Подписаться» на автора — и все новинки сами прибегут к вам в уведомления.

★ И звёздочку на главной не забудьте — чтобы книга всегда была в вашей библиотеке.

Спасибо огромное. Читайте с комфортом! ##

Глава 6. Платье для себя

Три дня до субботы тянулись медленно, но Люда была им рада.

После звонка Эдуарда Петровича что-то изменилось. Воздух стал легче, что ли. Или это она сама расправила плечи. Заказы посыпались один за другим — Ольга Сергеевна, словно ошпаренная, скинула сразу пять задач. И оплату предложила вдвое выше обычного. Люда даже присвистнула, увидев цифры в договорённости.

— Ничего себе, — сказала она вслух коту Семёну, который дремал на подоконнике. — Похоже, Эдуард Петрович действительно разобрался.

Семён лениво шевельнул ухом и продолжил спать.

Люда работала. Макеты, цветокоррекция, вёрстка — она ныряла в это с головой, потому что работа спасала от мыслей. От мыслей об Антоне. От снов, в которых он приходил к ней каждую ночь.

Потому что ночью было тяжело.

Она ложилась на диван, Семён устраивался в ногах, и Люда закрывала глаза. И почти сразу — темнота сменялась им. Антон тянул к ней руки, обнимал, целовал. Во сне она чувствовала его губы на своей шее, на плечах, на груди. Его дыхание, его запах, его тепло. Во сне она отвечала, прижималась, таяла. И просыпалась в сладкой судороге, с бешено ко-

лотящимся сердцем — и с такой пустотой внутри, что хотелось выть.

Утро после таких снов было самым трудным временем. Она лежала, глядя в потолок, и приказывала себе не думать. Не вспоминать. Не хотеть. Но тело помнило. Тело хотело. И это было невыносимо.

— Лучше бы ты мне вообще не снился, — шептала она в подушку. — Я быстрее бы успокоилась.

Но Антон приходил. Каждую ночь. И каждое утро Люда собирала себя заново.

Она не жалела о побеге. Ни разу. Там, в Москве, она задыхалась. Здесь, в Самаре, у неё появился воздух. Но воздух этот был холодным и одиноким. И очень хотелось тепла.

Единственное, что грело душу — деньги. Заказов стало много, оплата выросла в разы. Люда подсчитала: если так пойдёт дальше, она сможет не только жить, но и откладывать. Помогать Клавдии с коммуналкой — это святое. Покупать продукты, не считая каждую копейку. И, может быть, через полгода, когда Антон перестанет её искать (а он обязательно перестанет, не вечно же ему маяться), она сможет снять маленькую квартирку. Обязательно с видом на Волгу. Чтобы каждое утро открывать окно и смотреть на реку. Чтобы Волга была рядом всегда.

А потом, если повезёт, устроиться официально к Эдуарду Петровичу. Оформить ипотеку. Купить свою маленькую студию. Жить своей жизнью, ни от кого не зависеть.

План был хороший. Правильный. Взрослый.

Только вот по ночам приходил Антон и всё рушил.

На третий день, в пятницу, Люда поняла: ей срочно нужно что-то сделать для себя.

Она посмотрела на свои вещи. Джинсы, свитера, ещё джинсы, ещё свитер. Удобно, тепло, практично. Но глядя на себя в маленькое зеркало в прихожей, она видела серую, незаметную женщину. Женщину, которая спряталась. Которая боится. Которая забыла, что она — женщина.

— Так нельзя, — сказала она своему отражению. — Ты жива. Ты работаешь. У тебя есть деньги. Купи себе что-нибудь красивое. Для себя. Просто так.

Идея показалась одновременно пугающей и волнующей. Люда достала из тайника наличные — стопочка ещё была приличная, а теперь ещё и заработок подоспел — и решила: еду в город. За платьем.

Она оделась потеплее — на улице минус, не забывай — и вышла. До остановки дошла пешком, села в трамвай и поехала в центр, туда, где видела в прошлый раз магазины.

В торговом центре на Ленинградской былолюдно. Люда бродила по этажам, заходила в бутики, трогала ткани, смотрела ценники. Цены кусались, но не смертельно. Она могла себе позволить.

И вдруг увидела его. Платье.

Вишнёвого цвета, глубокого, насыщенного, как спелая ягода. Из мягкой, тягучей ткани, которая обнимала тело, но

не обтягивала. Длинное, почти в пол, с разрезом сбоку. А главное — с открытыми ключицами. Глубокий V-образный вырез, открывающий шею, плечи, эту хрупкую впадинку у основания горла. Рукава длинные, чуть расклешённые.

Люда представила себя в нём — и замерла.

— Примерьте, — подошла продавщица, молодая девушка с добрыми глазами. — Очень вам пойдёт. Цвет ваш.

Люда кивнула и ушла в примерочную.

Когда она надела платье, из зеркала на неё смотрела другая женщина. Не та замученная беглянка в джинсах и свитере. А женщина — с тонкой талией, с красивыми бледными плечами, с длинной шеей. Женщина, которую хочется обнять. Которую хочется целовать в эти открытые ключицы.

Люда вдруг почувствовала, как к глазам подступают слёзы. Она так давно не видела себя красивой. Так давно не смотрела на себя как на женщину.

— Беру, — сказала она твёрдо.

Продавщица улыбнулась, упаковала платье в мягкий пакет. Люда расплатилась и вышла из магазина с чувством, что сделала что-то важное. Правильное. Для себя.

Она стояла на улице с пакетом в руке, раздумывая, куда пойти дальше, когда рядом притормозила знакомая серебристая «Гранта».

— Люда?! — раздалось из открытого окна.

Глава 6. 2 часть.

Она обернулась и улыбнулась. За рулём сидел Серёга — тот самый весёлый парень, который вёз её от храма к комбинату в первый день.

— Серёжа, привет! — обрадовалась она. Правда обрадовалась, неожиданно для себя.

— Вот это встреча! — он выскочил из машины, подбежал. — А я тут мимо ехал, смотрю — стоит девушка красивая, вроде вы. Дай, думаю, остановлюсь. А это и правда вы!

— Я, я, — засмеялась Люда. — Только на «вы» давай уже прекратим. Мы ж не на работе.

— Договорились! — Серёга сиял. — А ты чего тут? Шопишься? — он кивнул на пакет.

— Ага. Платье купила, — Люда почувствовала, что краснеет. Глупо как-то.

— Класс! Покажешь?

— Не сейчас, — засмеялась она. — В следующий раз.

— А когда следующий раз? — Серёга смотрел на не с хитрецей. — Слушай, давай я тебя подвезу, куда скажешь. А то ты с пакетом, на морозе. Садись, не стесняйся.

Люда подумала секунду и кивнула. Почему бы и нет? Он хороший парень, весёлый, простой. Никакой опасности от него не исходит.

Они сели в машину, Серёга включил печку на полную и

тронулся.

— Ну, рассказывай, — сказал он, косясь на неё с улыбкой. — Как ты тут у нас освоилась? Не сбежала обратно в Москву?

— Нет, не сбежала, — улыбнулась Люда. — Осваиваюсь. Работа есть, жильё есть. Нравится мне у вас.

— А чего одна гуляешь? — спросил он напрямую. — Парня нет еще?

Люда замялась.

— Нет, — ответила коротко.

— Ну и правильно, — Серёга ничуть не смутился. — Парни — они козлы, одни проблемы. Вот я, например, козёл? — он посмотрел на неё с притворной серьёзностью.

Люда расхохоталась.

— Ты? Не знаю, может, и козёл, но маскируешься хорошо.

— Обижаешь, — засмеялся он. — Я ж душа-человек. У меня все девчонки в тусовке мои лучшие подруги. Никаких там... ну, ты поняла. Просто дружим, отдыхаем, кайфуем.

— Тусовка? — переспросила Люда.

— Ага. Компания у нас. Молодёжь, лет по двадцать пять. Я самый старый, мне двадцать шесть — подмигнул он. — Собираемся по выходным, в антикафе, или на квартирах, или летом на Волгу выезжаем. Игры там, разговоры, кино смотрим. Нормально проводим время. Без глупостей всяких, без пьянок, ну если только иногда по чуть чуть.

Люда слушала и чувствовала, как внутри разливается теп-

ло. Простая человеческая компания. Друзья. Общение. Ей этого так не хватало.

— Хочешь, приходи как-нибудь, — предложил Серёга. — Посмотришь, как мы тусим. Познакомишься со всеми. Ты, похоже, у нас одна тут, без своих. А одной скучно.

— Пока не могу, — вздохнула Люда. — У меня на субботу планы. А там... может, споемся.

— Споемся — это хорошо, — Серёга достал телефон. — Давай номер, я тебя в чат добавлю. Будешь в курсе, если что.

Они обменялись номерами. Люда записала его как «Серёжа-водитель» и улыбнулась.

Он довёз её до Полевой, остановился у калитки.

— Красиво тут у вас, — сказал он, оглядывая домик. — Частный сектор, тишина. Я сам в многоэтажке живу, завидую.

— Зато у вас горячая вода всегда, — парировала Люда.

— Это да, — рассмеялся Серёга. — Ладно, бывай. Звони, если что. И не теряйся, ладно? Ты мне нравишься, как человек. Дружески, без понтов.

— Спасибо, Серёжа, — искренне сказала Люда. — Ты меня выручил. И в первый раз, и сейчас.

— Да ладно, — отмахнулся он. — Мы ж люди. Пока!

И уехал, сигналив на прощание.

Люда зашла в дом, повесила платье в шкаф, погладила Семёна и села на диван.

Серёга был хороший. Простой, открытый, весёлый. И явно к ней неровно дышал — это читалось по взглядам, по тому, как он старался ей понравиться. Но Люда не думала о нём в том смысле. Он был как лучик света, как напоминание, что мир не состоит из одной боли. Друг. Возможно, будущий друг. А там видно будет.

Главное — завтра выставка. Платье ждёт. И Эдуард Петрович с дочкой.

Она легла спать пораньше, надеясь, что Антон не придёт сегодня во сне. Не пришёл. Впервые за много дней ей ничего не снилось. Просто глубокая, тёмная, спокойная пустота.

И утром она проснулась отдохнувшей.

Добавьте книгу в библиотеку — чтобы не потерять

★ *Поставьте звезду* на главной странице — для меня это лучшая награда

Подпишитесь на автора — чтобы не пропустить новые главы и будущие романы

Глава 7. Утро перед встречей

Эдуард Петрович проснулся оттого, что на грудь ему приземлилось нечто тёплое и пушистое.

Он открыл глаза. На нём сидела Катя — взлохмаченная, в пижаме с единорогами, и смотрела огромными серыми глазами прямо в его душу.

— Пап, ты спишь?

— Теперь уже нет, — улыбнулся он, притягивая дочку к себе. — Ты чего так рано? Суббота же.

— Я не рано, я уже час не сплю, — Катя ткнулась носом ему в плечо. — А ты долго. Я жду-жду, а ты всё спишь.

— Сколько времени? — Эдуард покосился на часы. Половина девятого. Ну, для субботы нормально.

— Пап, а мы сегодня точно идём на выставку? — Катя подняла голову, в глазах — надежда и лёгкое сомнение. — Ты не забыл? Ты обещал.

— Не забыл, — он погладил её по светлым волосам. — Идём обязательно. К двенадцати.

— А та тётя, художница, она придёт?

— Людмила, — поправил Эдуард. — Да, она придёт. Она не художница, она дизайнер. Но в искусстве разбирается хорошо. Ты ей понравишься.

— А она какая? — Катя села на кровати, поджав ноги. — Красивая?

Эдуард замялся ровно на секунду. Всего на секунду.

— Красивая, — ответил он спокойно. — Добрая, наверное. Я её мало знаю. Но она хороший специалист.

— А почему ты её мало знаешь, а зовёшь на выставку? — Катя прищурилась.

— Потому что она одна здесь, без друзей, из Москвы приехала, — Эдуард говорил осторожно, как по минному полю. — И потому что ты хотела, чтобы кто-то умный рассказал про художников. А я в этом ноль.

— А-а-а, — Катя, кажется, поверила. Или сделала вид. С детьми никогда не поймёшь.

— Вставай давай, — он легонько шлёпнул её. — Умывать-ся, завтракать. Скоро Зинаида придёт.

Зинаида Ивановна, домработница, пришла ровно в девять — как всегда, бесшумная, улыбчивая, с пакетом свежих продуктов. Эдуард ценил её за то, что она не лезла в душу, не задавала вопросов и готовила так, что Катя съедала всё до крошки.

— Доброе утро, Эдуард Петрович, — Зинаида прошла на кухню, разгружая пакеты. — Катенька уже встала?

— Встала, — донеслось из ванной. — Я моюсь!

— Молодец, — улыбнулась Зинаида. — Я блинчиков принесла. Со сгущёнкой.

Из ванной раздался вопль радости.

Эдуард прошёл на кухню, налил себе кофе. Смотрел в окно на зимний сад, а видел совсем другое. Людмилу. Её пе-

пельные волосы, собранные в хвост. Её осторожный взгляд. Её голос — тихий, немного хрипловатый.

Он думал о ней каждый день после того звонка. Каждый вечер, ложась спать. Каждое утро, просыпаясь. Это было странно, ново и немного пугающе. После смерти жены он думал, что всё это кончилось. Что сердце зацементировано. Что он только отец, только директор, только функциональный механизм.

А тут — бац. И сорок шесть лет, и седина, а внутри мальчишка, который боится, что она не придёт. Или придёт и посмотрит на него как на старика. Или как на начальника. Или вообще никак.

— Пап, ты чего? — Катя влетела на кухню, уже одетая в симпатичное платье и с мокрыми после умывания волосами.

— Завис?

— Задумался, — он улыбнулся. — Иди ешь.

За завтраком Катя трещала без умолку — про художников, которых видела в интернете, про то, что она хочет поступать в художественное училище, когда станет взрослой, про то, что Машка из класса сказала, что современное искусство — это ерунда, а Катя считает, что Машка просто ничего не понимает.

— Ты права, — серьёзно кивнул Эдуард. — Машка ничего не понимает.

— Пап, ты зануда, — засмеялась Катя. — Но хороший.

В половине одиннадцатого подъехал водитель на чёрном

внедорожнике. Эдуард вышел из дома, придерживая дверь за Катей. На ней было пальто, шапка с помпоном и шарф, из которого торчал только любопытный нос.

— Не замёрзнешь? — спросил он.

— Пап, я не на Северный полюс, — фыркнула Катя. — Едем уже.

В машине было тепло и уютно. Катя уткнулась в телефон, листая что-то про художников. Эдуард смотрел в окно на проплывающие улицы Самары и чувствовал, как сердце бьётся быстрее обычного.

Машина остановилась у краеведческого музея. Старинное здание, колонны, широкая лестница. Люди поднимались по ступеням — парочки, семьи, компании.

— Пап, а где она? — Катя завертела головой.

— Ещё нет, — Эдуард посмотрел на часы. Без пяти двенадцать. — Подождём.

Они стояли у входа. Катя дёргала его за рукав, показывая на афишу. А он смотрел на дорогу, откуда должна была прийти Люда. И вдруг подумал: а что, если она не придёт? Что, если передумала? Испугалась?

Сердце ухнуло вниз.

И в этот момент она появилась.

Люда шла со стороны набережной — неторопливо, немного неуверенно. В том самом платье. Вишнёвом, длинном. Поверх — пальто. Волосы распущены — не хвост, а волна пепельного света падает на плечи. Она улыбалась —

робко, словно извиняясь за то, что вообще пришла.

— Пап, — Катя дёрнула его за руку. — Пап, это она? Красивая какая...

Он не ответил. Он просто смотрел, как она поднимается по ступеням. Как ветер играет её волосами. Как она поправляет прядь, заправляя за ухо. Как глаза её — эти больные, грустные глаза — находят его и светлеют.

— Здравствуйте, — сказала она, подходя. — Извините, я немного задержалась. Волга... заморозила. Стояла и смотрела.

— Здравствуйте, Людмила, — голос его прозвучал хрипло, он кашлянул. — Познакомьтесь, это Катя.

Катя, обычно болтливая, вдруг застеснялась и спряталась за папину спину.

— Привет, Катя, — сказала Люда и улыбнулась. — Ты, наверное, всё про художников знаешь? Мне без тебя не разобратся.

Катя высунулась из-за папы.

— Знаю, — сказала она важно. — Я вам расскажу.

— Договорились, — улыбнулась Люда.

Они пошли внутрь. Эдуард — чуть позади, наблюдая, как Люда и Катя идут рядом, как Катя тянет её к первой картине, как Люда наклоняется, что-то объясняет, как Катя кивает и улыбается.

У него внутри разлилось такое тепло, какого он не чувствовал пятнадцать лет.

— Спасибо, — шепнул он, когда они остановились у очередного полотна.

— За что? — удивилась Люда.

— За то, что пришли.

Она смутилась, отвернулась к картине. Но он видел, как дрогнули её губы. Как на щеках выступил лёгкий румянец.

Выставка продолжалась. Они ходили по залам, говорили об искусстве, о цвете, о композиции. Катя задавала сто вопросов в минуту. Люда отвечала терпеливо, увлечённо, словно для неё это было самым важным делом. А он не мог оторвать взгляда от ее шеи, от хрупких ключиц, груди.

А в какой-то момент Эдуард заметил.

Мужчина. В другом конце зала. Стоит у колонны, делает вид, что рассматривает картину. Но взгляд — не на картину. Взгляд на них. На Люду.

Эдуард напрягся. Присмотрелся. Обычный, неприметный, в тёмной куртке. Таких сотни. Но что-то в нём было... чужое. Не музейное.

— Пойдёмте в следующий зал, — сказал он как можно спокойнее. — Там, говорят, интересное.

Они перешли. Мужчина не пошёл за ними. Остался.

Эдуард выдохнул. Показалось, наверное.

А через час, когда они вышли из музея, Люда вдруг остановилась и побледнела.

— Что с вами? — встревожился Эдуард.

— Ничего... — она смотрела на парковку. — Показалось...

Эдуард проследил за её взглядом. Сердце забилося чаще.
— Людмила, — сказал он тихо. — С Вами точно все в порядке?

Она посмотрела на него. В глазах — страх, который она пыталась спрятать.

- Да в полном порядке я.

— Пойдёмте, я вас отвезу, — твёрдо сказал он. — Катя, мы едем домой к Людмиле, потом к нам. Хорошо?

— Хорошо, а как же кафе? — Катя, кажется, ничего не заметила.

- Кафе в следующий раз, - ответил Эдуард.

Они сели в машину. Эдуард следил за дорогой. Ничего подозрительного не увидел

Но осадок остался.

От автора: Друзья мои, не забывайте, пожалуйста, подписываться на автора, добавлять книгу в библиотеку и ставить звезду на главной странице романа. Это для меня очень важно. Спасибо вам большое.

Глава 8. Катя.

В машине Катя уселась рядом с ней и всю дорогу трещала без умолку. Люда слушала, кивала, задавала вопросы, а сама краем глаза ловила в зеркале заднего вида взгляд Эдуарда. Он смотрел на них — тепло, чуть удивлённо, словно не верил, что это происходит на самом деле.

Машина остановилась у калитки на Полевой.

— Приехали, — сказал водитель.

Люда открыла дверь, собралась выходить, но Катя вдруг схватила её за руку:

— А можно, чтобы Люда приходила к нам домой? Ну, заниматься со мной рисованием? Как учитель? Пап, ну пожалуйста!

Люда растерянно посмотрела на Эдуарда. Тот сделал серьёзное лицо, хотя внутри у него всё пело.

— Катя, это не так просто, — сказал он осторожно. — Людмила взрослый человек, у неё свои дела, работа...

— Ну па-а-ап! — Катя включила режим максимального обаяния. — Она же художница! Она так классно рассказывает рисует! Я хочу с ней заниматься!

Эдуард посмотрел на Люду.

— Я подумаю, — сказал он дочке. — А сейчас отпусти Людмилу, ей отдыхать надо.

Катя вздохнула, но руку разжала.

— До свидания, Люда! — крикнула она. — Я буду ждать!
Люда помахала им и зашла в калитку.

Эдуард смотрел ей вслед, пока дверь не закрылась. Потом откинулся на сиденье и улыбнулся.

"Господи, какое счастье, что Катя это предложила. Сам бы я никогда не решился. А теперь — есть повод. Прекрасный, естественный повод видеть её снова и снова".

— Домой, Эдуард Петрович? — спросил водитель.

— Домой, — ответил он и улыбнулся.

В воскресенье утром Эдуард с Катей сходили в храм. Катя причащалась, поставила свечку за маму, а он стоял рядом и думал о том, что вот уже пять лет он один. А рядом с Людой вдруг почувствовал, что одиночество отступает.

После службы они зашли в кафе неподалёку. Катя ела круассан и пила какао, а он смотрел на телефон.

Набрать? Не набрать?

— Пап, ты чего не ешь? — спросила Катя.

— Думаю, — ответил он.

— О чём?

— О том, что вчера ты просила.

Катя оживилась:

— Ты про Люду? Позвони ей! Прямо сейчас!

И он позвонил.

— Людмила, доброе утро. Не отвлекаю?

— Нет-нет, Эдуард Петрович, — голос у неё был сонный, но мягкий. — Я уже встала.

— Вы извините за вчерашнее. Катя — человек увлекающийся. Но если честно... я подумал, что это хорошая идея.

Пауза.

— Вы про занятия?

— Да. Если у вас есть время и желание. Мы, конечно, заплатим. Как репетиторство.

— Эдуард Петрович, не надо про деньги, — Люда даже обиделась чуть-чуть. — Катя чудесная. Я с удовольствием буду с ней заниматься. Просто так. По дружбе.

Он улыбнулся в трубку.

— По дружбе не получится, любой труд должен быть оплачен, а по дружбе вы у нас чай будете пить.

— Ну хорошо, раз вы так настаиваете, — сказала, вздохнув, Люда.

— Прекрасно! Тогда, когда вам удобно?

— Хоть сегодня, — засмеялась Люда. — Мне всё равно сидеть одной.

— Сегодня — отлично. Мы вас ждём тогда к 15.00. Я адрес скину.

Он положил трубку и посмотрел на Катю. Дочка сидела с таким выражением лица, будто только что выиграла в лотерею.

— Едет? — спросила она.

— Едет.

— Ура-а-а! — Катя чуть не подпрыгнула на стуле. — Пап, ты лучший!

А Эдуард подумал: "Если бы ты знала, дочка, для кого я это всё делаю на самом деле".

Люда приехала к трём.

Дом Эдуарда оказался большим, но не пафосным — кирпичный особняк в тихом районе, с участком, где под снегом угадывались деревья. Внутри было тепло, уютно и чувствовалось, что здесь живёт женщина — Зинаида Ивановна постаралась.

Катя носилась по дому как ураган, показывая Люде свои рисунки, игрушки, книжки, кота (у них тоже был кот, только чёрный, Барсиком звали).

— А это моя комната! — Катя распахнула дверь. — Я тут рисую!

Глава 8. 2 часть.

Люда вошла и ахнула. Комната была завалена рисунками — на стенах, на столе, на полу. Катя рисовала везде и всё подряд.

Катя рисует.

- Это сколько же ты рисуешь? — удивилась Люда.

— Всегда, когда есть время — гордо ответила Катя.

Они сели заниматься. Люда показывала, как смешивать цвета, как строить композицию, как передавать объём. Катя ловила каждое слово, задавала сто вопросов, пробовала, ошиблась, снова пробовала. Время пролетело незаметно.

Когда в комнату заглянул Эдуард, на часах было уже пять.

— Вы тут как Малевичи, — улыбнулся он. — Катя, не замучь Людмилу в первый же раз, а то она к нам не захочет приходить часто. Людмила, оставайтесь ужинать. Зинаида Ивановна наготовила, мы вдвоём с Катей не съедим.

Люде хотелось отказаться — неловко, первый раз в гостях и сразу оставаться. Но Катя уже вцепилась в неё мёртвой хваткой:

— Оставайтесь, оставайтесь! Мы вас не отпустим!

— Ну... если ненадолго, — сдалась Люда.

Ужин был чудесным. Зинаида Ивановна накрыла стол в большой столовой — суп, жаркое, салаты, домашние пирожки. Катя сидела рядом с Людой и всё время дёргала её, показывая что-то в телефоне. Эдуард сидел напротив и украдкой смотрел.

Как она ест — аккуратно, но с аппетитом. Как улыбается Кате. Как поправляет волосы, падающие на лицо. Как смеётся, когда Катя рассказывает что-то смешное про школу.

Он ловил себя на том, что не может отвести взгляд. Хочется смотреть и смотреть. Хочется, чтобы она всегда была

здесь, за этим столом, рядом.

Люда чувствовала его взгляд, но не придавала значения. Просто хороший человек, просто заботливый отец. Радует-ся, что дочке хорошо. Она и сама радовалась — Катя была удивительной, живой, талантливой. Рядом с ней Люда забывала о своей тоске.

А потом вдруг подумала: "Если бы моя дочка была жива, она была бы чуть младше Кати".

Мысль пришла неожиданно и ударила под дых. Люда замерла на секунду, потом быстро отвернулась, делая вид, что рассматривает картину на стене. Но Эдуард заметил. Заметил, как дрогнули её губы, как потемнели глаза.

После ужина он вызвал такси — сам бы повёз, но не хотел, чтобы она чувствовала себя обязанной.

Они сидели в гостиной одни, пили чай и ждали машину, Катя попрощалась и ушла заниматься музыкой. Эдуард протянул конверт Людмиле, та взяла и с вопросом посмотрела на него.

- Это пока за 5 занятий с Катей. Спасибо, Людмила, Катя в восторге. Вам удобно по выходным к нам приезжать и давайте на неделе тоже раз или два.

- Спасибо, да удобно в субботу, но на неделе у меня же работа, я могу тогда только после 19.00.

- Обсудим тогда в понедельник подробнее.

— Людмила,— Вы сегодня... когда за столом... Всё хорошо? — осторожно начал Эдуард.

Она вздохнула. Почему-то именно ему, этому большому, спокойному человеку, захотелось сказать правду.

— Я подумала про дочку, — тихо сказала она. — Если бы она была жива, она была бы чуть младше Кати.

Эдуард молчал, давая ей договорить.

— Я потеряла ребёнка, — голос Люды дрогнул. — Давно. В первом браке. Беременность была сложная, врачи сказали... не спасли. И после этого я уже не могла. Так что дочери у меня не будет никогда.

Она отвернулась, чтобы он не видел слёз.

Эдуард сидел потрясённый. Он не знал, что сказать. Просто протянул руку и накрыл её ладонь своей. Большой, тёплой, надёжной.

— Простите, — шепнула Люда. — Не надо было вам этого говорить. Зачем я...

— Всё хорошо, — тихо сказал он. — Спасибо, что сказали.

Подъехало такси. Люда села в машину, махнула рукой на прощание и уехала.

А Эдуард долго у окна на втором этаже, глядя вслед удаляющимся огням.

"Господи, — думал он. — Сколько же в ней боли. И какая она сильная — носит это в себе и живёт дальше, и красивая очень".

Он зашёл в дом, поднялся к Кате — дочка готовилась ко сну, утомлённая впечатлениями. Поцеловал её в макушку и

спустился в гостиную.

Сидел в темноте, смотрел в окно и думал.

Она не может иметь детей. Она потеряла ребёнка. И теперь сидит одна в чужом городе, с разбитым сердцем и пустыми руками.

А у него — Катя. Которая растёт без мамы. Которая так тянется к Люде. Которая вчера сказала: "Пап, а можно Люда будет к нам приходить часто? Она как будто... ну как будто родная".

Эдуард закрыл глаза.

Раньше он думал только о себе — о том, что Люда ему нравится, что он хочет быть рядом. А теперь подумал о Кате. И о ней. О том, что она могла бы дать Кате то, чего у той никогда не будет. А Катя могла бы дать ей то, чего у неё уже никогда не будет.

Жена. Мать для Кати. Женщина, с которой можно составить.

Он усмехнулся в темноте.

— Эдуард Петрович, — сказал он себе, — ты уже строишь планы на всю жизнь. А она даже не смотрит на тебя как на мужчину.

Но где-то в груди теплилась надежда. Маленькая, робкая, но живая.

Потому что она открылась ему. Потому что доверила самое больное. Потому что сегодня, когда он накрыл её руку своей, она не отдернула.

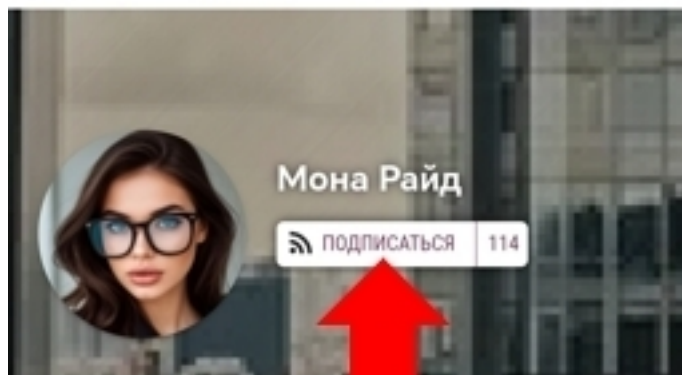
Значит, не всё потеряно.

Значит, можно ждать.

Добавьте книгу в библиотеку — чтобы не потерять

★ *Поставьте звезду* на главной странице — для меня это лучшая награда

Подпишитесь на автора — чтобы не пропустить новые главы и будущие романы

РОМАНЫ

БЛОГ

КОММЕНТИРОВАЛ

Сортировать

По умолчанию

Когда тебя нет рядом

Мона Райд

★ 200 ↻ 151стр.

В тексте: босс и подчинённая, противостояние харак..., развод эмоционально

В процессе

Эту девушку нельзя...

Мона Райд

А ещё здесь можно оставлять комментарии. Мне очень важно знать, что вы думаете. ##

Глава 9. Чужая жизнь

Люда зашла в дом и обессиленно прислонилась к двери.

Вечер вымотал её. Не физически — там, в большом красивом доме, было тепло и уютно. Эмоционально. Катя, её рисунки, её доверчивые глаза. Эдуард Петрович с его тихим вниманием. А потом — этот разговор на прощание. Она сама не поняла, как выпалила ему про дочку все откровенно.

— Ну чего встала? Раздевайся давай, холод в дом напустишь, — раздался с кухни голос Клавдии.

Люда скинула пальто, разулась и прошла в кухню. Клава сидела за столом с огромной кружкой чая и свежим выпуском местной газеты. Семён развалился у неё на коленях, довольно жмурясь.

— О, явилась, — Клавдия оглядела её с ног до головы. — А чего так рано? Я думала, ты там до ночи просидишь, в хоромах-то.

— Какие хоромы, Клав, — Люда плюхнулась на табуретку. — Обычный дом. Большой, красивый, но обычный.

— Ага, обычный, — хмыкнула Клава. — Там такие дома обычными не бывают. Ну рассказывай давай. Как прошло?

Люда вздохнула, собираясь с мыслями.

— Хорошо прошло. Катя — чудо просто. Такая талантливая, живая, всё схватывает на лету. Мы два часа занимались, я и не заметила, как время пролетело.

— А он?

— Кто он? — не поняла Люда.

— Эдуард Петрович, кто же ещё, — Клавдия прищурилась. — Как он себя вёл?

— Нормально вёл. За ужином оставил, потом такси вызвал, проводил. — Люда пожала плечами. — Очень воспитанный человек. И Катю видно, что любит безумно.

— А на тебя как смотрел?

— Клав! — Люда даже покраснела. — Нормально смотрел. Как на учительницу Кати. Мы вообще о деле говорили — расписание обсуждали, оплату.

— Оплату? — Клавдия даже подскочила. — Ты с него деньги взяла?

— А что мне было делать? Он сам предложил. Сказал, что любой труд должен оплачиваться. Я сначала отказалась, а он настоял.

Клавдия откинулась на спинку стула и довольно улыбнулась.

— Ну, значит, точно глаз положил. Если б не положил — согласился бы на «по дружбе». А раз настоял — значит, хочет, чтобы ты чувствовала себя обязанной. Чтобы приходила снова и снова.

— Клава, ну что ты выдумываешь? — Люда закатила глаза. — Он просто порядочный человек. И потом... какой из меня интерес? Я — простая художница, в джинсах и с краской под ногтями. Ему наверное такая нужна... статусная, де-

ловая, красивая.

Клавдия хмыкнула так, что Семён спрыгнул с колен и обиженно ушёл в угол.

— Слушай сюда, девочка. Я тебе как баба простая, без высшего образования, скажу. Мужик, чтобы на женщину смотреть, нужно всего три вещи.

— Какие? — удивилась Люда.

— Чтобы тянуло к ней по-мужски, чтобы с его ребёнком она была добрая, и чтобы ласковая была. Всё. Остальное — фигня. — Клавдия рубанула воздух рукой. — А ты и красивая, и с Катей вон как сразу спелась, и ласковая, потому что добрая. Всё, считай, Эдуард Петрович твой.

— Да не мой он! — Люда уже почти кричала, но в голосе слышался смех. — Клав, ты неисправима!

— Я жизненна, — поправила Клавдия. — А ты дура. Но красивая. Ладно, живи пока.

Они обе рассмеялись, и в этот момент у Люды зазвонил телефон.

— Алло?

— Люда! Привет! — в трубке зазвучал знакомый весёлый голос. — Не спишь ещё?

— Серёжа? — удивилась Люда. — Нет, не сплю. А что случилось?

— А ничего не случилось! — Серёга явно был в приподнятом настроении. — Слушай, тут такое дело. У друга моего, Костика, сегодня квартирник. Ну, концерт такой домаш-

ний. Парень один приезжий будет петь свои песни под гитару. Душевно очень, лампово. Свои соберутся человек пятнадцать. Я подумал — а почему бы тебе не приехать?

Люда замялась.

— Серёж, уже почти девять. А мне завтра с утра работать...

— Работа никуда не денется! — безапелляционно заявил Серёга. — А концерт — это концерт. Ты ж сама говорила, что сидишь одна. Ну сколько можно? Выходи в люди! Я за тобой заеду и отвезу обратно, честное слово. Детское же ещё время!

Люда посмотрела на Клавдию. Та делала страшные глаза и мотала головой.

— Серёж, я не одна. Я с подругой, — сказала Люда, прикрывая трубку. — Клава, ну что ты? Он нормальный.

— А я откуда знаю? — громко заворчала Клавдия. — Может, он маньяк!

— Она говорит, что боится меня отпускать с незнакомым человеком, — виновато сказала Люда в трубку.

Серёга на том конце расхохотался.

— Так, понял, принял. Сейчас исправлю ситуацию. — Он зашуршал чем-то. — Диктую номера машины: семьсот семьдесят семь, регион сто шестнадцать. Марка — «Гранта» серебристая, ты знаешь. Могу сфоткать права и скинуть, если надо. А если вообще для полного счастья — могу зайти и познакомиться с паспортом лично. Я не шучу, скажи своей

подруге — я нормальный!

Клавдия, которая слушала разговор в пол-уха, не выдержала и расхохоталась.

— Ладно, води давай своего кавалера, — махнула она рукой. — Пусть зайдёт, познакомимся. А то переживай тут за неё.

Через пятнадцать минут Серёга уже стоял на пороге — взлохмаченный, румяный с мороза, с огромным пакетом мандаринов.

— Вот, — протянул он пакет Клавдии. — Для знакомства. Чтобы не думали плохо.

Клавдия оглядела его с ног до головы, хмыкнула и кивнула:

— Ладно, проходи. Мандарины — хорошо. Чай будешь?

— Не, спасибо, мы на концерт торопимся, — Серёга сиял.

— В следующий раз обязательно.

Люда уже оделась — джинсы, мягкий серый свитер, сверху пуховик. Подправила макияж перед зеркалом — чуть подвела глаза, блеск для губ. Просто, но свежо.

В кармане пикинул телефон.

Сообщение от Эдуарда Петровича:

«Людмила, добрый вечер. Беспокоить не буду, просто хотел узнать: как вы добрались? Не устали после занятий? Чем планируете заниматься вечером?»

Люда удивилась. Станный вопрос про вечер. Но ответила честно:

«Спасибо, добралась хорошо. Спасибо за такси и за чудесный вечер. Катя — прелесть. А вечером... подруга уговорила сходить на концерт. Квартирник, авторские песни под гитару. Давно не была, решила рискнуть»))»

Отправила и замерла.

Ответ пришёл не сразу. Секунд через тридцать. Короткий:

«Понял. Хорошего вечера. Только будьте осторожны, пожалуйста. И если будет возможность — скиньте видео с концерта. Я очень люблю такое. Спокойной вам ночи.»

Люда улыбнулась. Какой внимательный. Даже видео просит. Наверное, действительно любит живую музыку.

— Ну что, идём? — поторопил Серёга.

— Идём.

А в это время в доме на окраине города Эдуард Петрович сидел в своём кабинете и смотрел в одну точку.

Он написал это сообщение и отправил, а сам не мог понять, что с ним происходит.

Она идёт на концерт. С кем? С какой подругой? У неё же нет здесь подруг, только Клавдия. А Клавдия — женщина в возрасте, вряд ли она пойдёт на какой-то квартирник.

С кем тогда? С кем она поехала?

Телефон завибрировал. Она прислала видео — тёмная комната, свет торшера, парень с гитарой поёт что-то душевное. На переднем плане мелькнул чей-то рукав. Мужской.

Эдуард почувствовал, как внутри закипает что-то тёмное, липкое, чему он не мог дать названия. Ревность? Но по ка-

кому праву? Она ему никто. Просто учительница его дочери.

Он набрал её номер. Короткий гудок. Потом ещё один. Она не ответила.

Эдуард встал, прошёлся по кабинету. Подошёл к бару, налил себе. Залпом выпил.

Она там, с каким-то парнем. Молодым, наверное. Они слушают музыку, пьют вино, смеются. А потом... потом он будет её целовать. А она позволит. Потому что она молодая, свободная, красивая. А он кто? Он старый мужик с сединой и дочкой-подростком.

Эдуард сжал стакан так, что побелели костяшки.

Он представил её в этом вишнёвом платье — с открытыми ключицами, с распущенными волосами. Представил, как какой-то парень касается её плеча, её шеи... и с силой швырнул стакан в стену.

Стекло брызнуло во все стороны. На обоях осталось тёмное пятно.

— Чёрт! — выдохнул он.

Сел в кресло, закрыл лицо руками.

Она ему никто. Никто. Но почему так не комфортно? Он что ее уже себе и Кате присвоил? Не рановато?

Он достал телефон, снова открыл её сообщение. Фотография с концерта. На переднем плане — гитарист. На заднем — она. Улыбается. Счастливая.

Эдуард отложил телефон и налил себе ещё.

Он будет ждать. Ждать, когда она напишет, что добралась

домой. Ждать, когда убедится, что с ней всё в порядке. И молиться, чтобы этот парень... чтобы он просто был другом.

*От автора:*Друзья мои, как вам новый поворот? Ревность Эдуарда, квартирник с Серёгой? Что будет дальше? Пишите в комментариях! И не забывайте подписываться, ставить звёздочку и добавлять книгу в библиотеку ♥#

Глава 10. Волчья стая

Серёга вёз её по ночным улицам Самары и без умолку болтал.

— Ты только не жди, что там будет пафосно, — говорил он, довольно улыбаясь. — Это квартира моего друга, там всё по-простому. Но парень, который будет петь, — он реально крутой. Я его в прошлом году случайно услышал, думал, подкалывать будут, а он как заиграл... У меня мурашки по коже. Представляешь?

— Представляю, — улыбалась Люда, глядя на него.

Она поймала себя на том, что рядом с ним действительно становится легче. Он был какой-то... солнечный. Светлые волосы, светлые глаза, улыбка до ушей. Высокий, накачанный, но без этой brutальной тяжести, как у Антона. Лёгкий. Как весенний ветер.

— А ты сама какую музыку любишь? — спросил Серёга, косясь на неё на светофоре.

— Всякую, — пожала плечами Люда. — Под настроение. Раньше много рока слушала, потом как-то... — она запнулась, — потом по-другому стало.

— Рок — это круто, — кивнул Серёга. — А сегодня будут авторские песни. Ну, знаешь, такие душевные. Про любовь, про жизнь, про волков там...

— Про волков? — переспросила Люда.

— Ага. Там есть одна песня, я в прошлый раз прямо про-
няло, если честно, — Серёга смущённо почесал затылок. —
Но ты не думай, я вообще-то суровый парень.

Люда рассмеялась.

— Верю.

Он проводил её до двери, помог снять пуховик и на се-
кунду задержал руки на её плечах. Просто так. Без наглости.
Люда даже не успела напрячься — он уже отстранился и ма-
хал кому-то в глубине комнаты:

— Костик, принимай гостей!

Квартира была обычная, трёшка, но вся мебель была
сдвинута к стенам, а на полу — подушки, пледы, кто-то уже
сидел на подоконнике. Человек пятнадцать, не больше. Го-
рели свечи, пахло мандаринами и чуть-чуть вином.

Серёга взял её за руку и провёл к дивану.

— Садись, тут самый лучший обзор.

Он сел рядом и сразу закинул руку на спинку дивана. По-
лучилось так, будто он её обнимает. Люда покосилась, но
возражать не стала. От него приятно пахло парфюмом —
не дорогим, не элитным, как у Антона, а каким-то простым,
свежим, чуть сладковатым. Молодым.

Антон...

Только она вспомнила его имя, как внутри что-то кольну-
ло. Больно, остро, до дрожи.

Антон. Его запах — горький, терпкий, с нотами дерева и
табака. Его руки — сильные, уверенные, собственные.

Как он обнимал её, как прижимал к себе, как шептал что-то хриплое на ухо. Как она таяла в его руках...

— Держи, — Серёга сунул ей в руку пластиковый стаканчик с красным вином. — Ты чего загрустила?

Люда моргнула, возвращаясь в реальность.

— Всё хорошо. Задумалась просто.

— А ты не думай, ты слушай, — подмигнул Серёга. — Сейчас начнётся.

Парень с гитарой сел в центр комнаты на табуретку. Худой, лохматый, в простом свитере. Тронул струны, и комната затихла.

Волки уходят в леса....

Горят в глуши их глаза.....

Люда замерла.

Песня была не простая. Она была про тех, кто живёт в стае, кто чувствует кожей, кто не может без свободы, но и без любви тоже не может. Про душу, которая ищет свою стаю .

Люда смотрела на поющего и чувствовала, как по коже бегут мурашки. Это же про неё. Про её метания, про её боль, про её побег. Она — волчица, которая ушла из стаи, но до сих пор воет на луну.

Рядом Серёга чуть наклонился, задел плечом. Отвлёк, вернул в реальность.

— Нравится? — шепнул он.

— Очень, — ответила она.

И вдруг подумала: как же хорошо было бы любить по-вол-

чьи. Просто. Честно. Без этих игр, без недосказанности, без боли. В стае всё ясно: вожак, волчица, стая. Если выбрал — значит навсегда.

Но Антон не выбрал.

Люда сделала глоток вина, прогоняя мысли.

Серёга снова что-то говорил, шутил, потом принёс ей ещё вина, потом познакомил с друзьями. Двое парней, его приятели. Один рыжий, веснушчатый, смешной. Второй...

Второй смотрел на неё слишком пристально.

Высокий брюнет с длинными волосами, собранными в хвост. Узкие губы, прямой нос, чёрные глаза. Он смотрел так, будто видел её насквозь. Люде стало не по себе.

— А это Стас, — представил Серёга, и в голосе его слышалось лёгкое напряжение. — Стас, это Люда.

— Очень приятно, — Стас протянул руку. Пальцы холодные, сухие. Взгляд тяжёлый. — Вы откуда, Люда?

— Из Москвы, — коротко ответила она.

— Большой город, — сказал Стас, не сводя с неё глаз. — И девушки там красивые.

Серёга встал между ними, чуть сдвинув плечом.

— Стас, иди пива принеси, а? Люда, пойдём, я тебе ката местного покажу.

Он увлёк её в другую комнату, и Люда выдохнула.

— Чего он такой... тяжёлый? — спросила она.

— Да нормальный он, — отмахнулся Серёга, но в голосе чувствовалась фальшь. — Просто любит на женщин пялить-

ся. Ты не обращай внимания.

Люда не стала расспрашивать.

Концерт закончился около часа ночи. Все хлопали, кто-то кричал «браво», парень с гитарой смущённо улыбался. Люда чувствовала, что устала, но по-хорошему. Вино ударило в голову лёгким туманом, мысли стали мягкими, плавными.

— Ну что, поехали? — Серёга уже нёс её пуховик. — Устала небось?

— Немного.

Пока он курил на улице с друзьями, Люда сидела в его машине. «Гранта» прогревалась, было тепло и уютно. Она откинула голову на подголовник и прикрыла глаза.

Серёга сел в машину, и сразу запахло морозом и табаком.

— Ну как тебе вечер? — спросил он, выруливая со двора.

— Замечательно, — честно ответила Люда. — Спасибо, что позвал.

— А чего ты зеваешь? — засмеялся он. — Спать хочешь?

— Угу. Завтра на работу.

— А-а-а, взрослая жизнь, — протянул Серёга. — А я думал, может, ещё кофе куда-нибудь...

— Нет-нет, — Люда улыбнулась, прикрывая рот ладошкой. — Я правда устала. Давай в следующий раз.

— В следующий так в следующий, — легко согласился он.

На светофорах он смотрел на неё. Не отрываясь, жадно, как будто пытался запомнить каждую чёрточку. Люда чувствовала этот взгляд, но делала вид, что не замечает. Хоро-

ший он. Приятный. Но не Антон.

Машина остановилась у знакомой калитки.

— Приехали, — сказал Серёга и вдруг подался к ней.

Люда замерла. Он наклонялся для поцелуя — мягко, неуверенно, вопросительно.

Она сделала страшные глаза и резко мотнула головой.

— Нет, Серёж.

Он замер на секунду, потом отодвинулся. Улыбнулся, хотя в глазах мелькнуло разочарование.

— Понял, не дурак. Ладно, бывает.

— Ты хороший, — тихо сказала Люда, открывая дверь. — Спасибо за вечер.

— Заходи, если что, — кивнул он. — И вообще... ты ещё поедешь на такое? Если позову?

Люда обернулась и улыбнулась:

— Поеду.

— Ну и ладно, — Серёга снова улыбнулся, уже по-настоящему. — Я терпеливый. Ещё ни одна девчонка, которую я захотел, мне не отказала. Рано или поздно.

— Самонадеянный, я ведь не девчонка и старше тебя на много — покачала головой Люда.

— Жизнелюбивый, вообще не в возрасте дело — поправил он. — Спокойной ночи, Люда.

Глава 10. 2 часть.

Она захлопнула дверь и пошла к калитке.

Серёга посидел ещё минуту, глядя, как за ней закрывается дверь дома. Потом улыбнулся чему-то своему и уехал.

А в доме на окраине города, в кабинете с разбитым стаканом на полу, Эдуард Петрович смотрел на телефон и ждал. Ждал сообщения, что она добралась. Ждал, что она напишет ему сама. Ждал и ненавидел себя за это ожидание.

Она ему никто. Просто учительница Кати. Просто...

Телефон молчал.

Эдуард прождал её сообщения до двух ночи.

Он сидел в кабинете, в темноте, с пустым стаканом в руке. Коньяк он допил давно, но лёгкость не пришла. Только тупая тяжесть в груди и пульсирующая мысль: Где она? С кем? Почему не пишет?

В третьем часу он сдался. Поднялся наверх, заглянул к Кате — спала, раскинув руки, обнимая плюшевого зайца. Поцеловал в макушку и ушёл в спальню.

Сон пришёл тяжёлый, липкий, как смола.

Ему снилась Люда. Она шла по какой-то длинной галерее, вся в белом, с распущенными волосами. Он звал её, но она не оборачивалась. А вокруг неё возникали мужские спины — одна, вторая, третья. Он не видел лиц, только спины.

Молодые, широкие, чужие. Он расталкивал их, прорывался сквозь них, но каждый раз, когда почти догонял, она оказывалась дальше. Ещё дальше. Ещё.

— Люда! — крикнул он во сне и проснулся.

Сердце колотилось, простыня взмокла. Часы показывали семь утра.

Эдуард сел на кровати, провёл рукой по лицу. В голове — вата, во рту — гадость от вчерашнего коньяка. Он потянулся к телефону, почти не надеясь.

Сообщение от Люды.

«Доброе утро, Эдуард Петрович, простите, пожалуйста — вчера совсем забыла вам написать вечером. Добралась хорошо. Концерт был чудесный.»

Люда действительно забыла написать, она устала, сразу умылась, переоделась и легла на диван, заснула моментально. Но утром она вспомнила, как некрасиво поступила и быстро набрала сообщение, как только включила телефон. Все-таки Эдуард ее босс, так нельзя было поступать и забывать, вот Серега, всю голову задурил.

Эдуард перечитал три раза. Коротко. Сухо. Ни слова о том, с кем была. Ни слова о том, почему не отвечала. Просто *«Концерт был чудесный»*.

В груди снова заворочалось что-то тёмное.

Почему не написала раньше? Где она была? С кем?

Мысль была мерзкой, липкой, но она пришла и застряла.

Вечер имел продолжение?

Тот парень, с чьим рукавом она прислала видео... он её целовал?

Они были вместе?

Эдуард сжал телефон.

— Хватит, — сказал он вслух. — Ты себя до инфаркта доведёшь.

Он встал, решительно направился в душ. Ледяная вода привела в чувство, смыла остатки сна, но не смыла мысли.

За завтраком Катя щебетала о вчерашнем дне, о Люде, о том, как они будут заниматься рисованием на следующей неделе. Эдуард кивал, улыбался, подливал ей сок, а сам думал о своём.

— Пап, а Люда ещё придёт? — спросила Катя с надеждой.

— Придёт, — ответил он. — На неделе должна и в субботу.

— А можно, чтобы она пораньше приходила? Чтобы побольше позаниматься?

— Давай у нее спросим, - а у него уже созрел небольшой план.

Катя довольно закивала и убежала собираться в школу.

Эдуард остался один. Допил кофе, посмотрел на телефон. Написал ей коротко:

«Доброе утро. Я переживал. Как спалось?»

И сразу пожалел. Как школьник, честное слово.

Ответ пришёл через пять минут:

«Доброе утро, Эдуард Петрович. Спалось отлично, первый раз за долгое время без снов. А у вас?»

«Плохо, — хотел написать он. — Мне снилось, что вы ускользаете от меня. И я не могу вас догнать».

Но написал другое:

«Нормально. Хорошего вам дня»

Отправил и отложил телефон.

Водитель уже ждал у ворот. Эдуард вышел из дома, сел в машину и уставился в окно. За стеклом проплывала Самара, утренняя, суетливая, живая. А он думал о ней.

Она сказала «без снов». Значит, спала хорошо. Значит, не мучилась. Значит, ей всё равно.

А у него душа выворочена наизнанку.

— Чёртова ведьма, — прошептал он.

Водитель деликатно сделал вид, что не услышал.

Эдуард откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Впереди был долгий день, встречи, переговоры, отчёты. Работа, которая всегда спасала от всего.

От автора: Ну как вам терзания Эдуарда? А сон про мужские спины? Пишите в комментариях, жду ваши мысли! И не забывайте подписываться и ставить звёздочку ♥️#

Глава 11. Весеннее обострение

Март подкрался незаметно, как вор, который сначала крадёт зиму, а потом уже не возвращает.

Снег потерял свою белоснежность, стал бурым, тяжёлым, осел у обочин грязными валами. Днём с крыши капало, к вечеру капель замерзала сосульками, а по ночам всё ещё хватывало лужи тонким хрупким ледком. Воздух изменился — в нём появилась та особенная мартовская сырость, которая пахнет талой водой, прелыми листьями и очень далёкой, пока ещё невидимой зеленью. Город чихал, отряхивался от зимней спячки, и люди тоже потихоньку начинали улыбаться чаще.

Люда поймала себя на том, что улыбается тоже.

Жизнь налаживалась. Заказы от Эдуарда Петровича шли плотным потоком — Ольга Сергеевна больше не жадничала, оплата приходила исправно, и сумма наличных денег в конверте у Люды увеличивалась.

Люда уже присмотрела себе маленькую студию на четвертом этаже нового дома недалеко от набережной. Там было всего одна комната, но зато окна выходили прямо на Волгу. Снять можно будет с апреля или мая, как только хозяйка освободит.

С Клавдией они жили душа в душу. Та по-прежнему ворчала, кормила пирожками и расспрашивала про Эдуарда

Петровича с таким видом, будто сватала родную дочь. Люда отшучивалась, но в глубине души чувствовала: этот дом стал ей почти родным. И уходить отсюда будет немного грустно.

Но главным событием этих месяцев стала Катя.

Люда занималась с ней два раза в неделю. Девочка расцвела — от замкнутого, настороженного ребёнка не осталось и следа. Катя ждала её, готовила рисунки, придумывала истории, а на уроках фантазировала так, что Люда сама заслушивалась. Они вместе придумали «волшебное рисование»: сначала сочиняли сказку, а потом иллюстрировали её. Катя могла придумать целый мир с летающими рыбами и разговаривающими деревьями, и Люда с удивлением обнаружила, что сама начала верить в эти сказки.

— Люда, а у тебя есть дочка? — спросила однажды Катя, рисуя очередную фею.

Люда замерла на секунду, но ответила спокойно:

— Нет, Катюш. Нету.

— А почему? — Катя подняла на неё свои огромные глаза.

— Так сложилось, — мягко сказала Люда. — Но теперь ты у меня есть. Ученица.

Катя улыбнулась и вернулась к рисунку. А у Люды внутри что-то дрогнуло и заняло.

Эдуард в такие моменты обычно находил повод зайти. То чай принесёт, то спросит что-то про расписание. Люда чувствовала его взгляд — тот самый, долгий, тяжёлый, от которого хотелось то ли спрятаться, то ли, наоборот, расправить

плечи.

Особенно остро это чувствовалось в бассейне.

Эдуард предложил Люде пользоваться бассейном вместе с Катей — мол, зачем девочке одной плавать, а так и веселее, и безопаснее. Люда согласилась, потому что обожала воду и плавала хорошо. Катя тоже оказалась рыбкой — они могли плескаться часами, играть в догонялки, нырять на глубину.

Но иногда в бассейн спускался Эдуард.

Он делал вид, что просто проверяет температуру воды или заносит забытое полотенце. Но Люда чувствовала его присутствие кожей. Он стоял у бортика, опираясь руками о поручни, и смотрел. Когда она выныривала, отжимала волосы, вела Катю к лесенке — взгляд скользил по ней, цеплялся за каждый изгиб, за мокрые пряди на плечах, за тонкие бретельки купальника.

Люда старалась не думать об этом. Но однажды, выходя из воды, она поймала его взгляд в упор. Он смотрел на её ноги — длинные, стройные, с красивыми икрами, с капельками воды на коже. И в этом взгляде было что-то такое... собственническое. Тяжёлое. Как будто паук плел паутину, и Люда с каждым разом всё глубже в неё погружалась.

Она спрашивала себя: если Эдуард Петрович проявит интерес открыто, скажет что-то, предложит — как она отреагирует?

Ответа не было.

С одной стороны — Катя. Удивительная, тёплая, родная

девочка, которую Люда уже почти считала своей. С ней было легко, весело, радостно. Занятия приносили такое удовольствие, что Люда иногда забывала, что ей за это платят. И Катя тянулась к ней, доверяла, обнимала перед уходом.

С другой стороны — уровень жизни, который мог дать Эдуард. Люда не была меркантильной, но понимала: с ним она будет защищена, обеспечена, спокойна. И он знал о её бесплодии. Кому ещё она будет нужна из нормальных мужчин, которые захотят детей?

Но было одно «но».

Спальня.

Люда поймала себя на том, что при одной мысли об интимной близости с Эдуардом её передёргивает. Не потому что он неприятен — напротив, он был очень привлекательным мужчиной для своих лет: подтянутый, с сильными руками, широкими плечами, неплохим прессом. Но он был не Антон.

Антон.

Едва она вспоминала это имя, как внутри всё сжималось в тугую болезненный узел. Его запах, его руки, его поцелуи — это было то, чего она хотела. То, по чему сходила с ума. То, чего никогда не смог бы дать ни один другой мужчина.

Люда понимала: в спальне никто больше не будет для неё желанен. Только он. Тот, кто не выбрал её.

Но жить-то надо. И дочку хочется — такую, как Катя. И зависела она сейчас от Эдуарда целиком.

— Хватит, — сказала она себе однажды вечером. — Если он что-то предложит — тогда и будешь ломать голову. А пока его взгляды могут ничего не значить.

Она продолжала ездить к ним, заниматься с Катей, плавать в бассейне и делать вид, что не замечает, как он смотрит.

Пока однажды Эдуард не сказал:

— Людмила, а вы не думали переехать к нам?

Она замерла.

— В смысле?

— В прямом. — Он говорил спокойно, деловито, но в глазах была настороженность. — Катя по вас скучает, когда вас нет. Вы тратите время на дорогу. У нас есть свободные комнаты, места в доме много. Работали бы так же, жили бы здесь. Никаких обязательств, просто — удобно.

Люда покачала головой:

— Эдуард Петрович, спасибо, но нет. Мне нужно своё жильё.

— Почему? — спросил он, и в голосе мелькнуло что-то похожее на разочарование.

— Потому что я должна знать, что у меня есть свой угол. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Я ценю всё, что вы для меня сделали. Но переезжать не буду.

Он кивнул, принял, не стал настаивать. Но в тот вечер Люда поймала его взгляд — тяжёлый, долгий, почти обиженный. Как будто она его предала.

Она вздохнула и уехала к себе, где её ждали Клавдия, Се-

мён и никаких проблем.

Москва. То же время.

Антон сходил с ума.

Два месяца. Он считал каждый. Люды не было нигде.

Он проверил всё. Банковские карты — ни одного движения. Её документы — ни одной попытки оформить что-то официально. Телефоны ее родителей тоже слушали, но без результатно. Люда звонила — через соседку, которая брала свой телефон и давала родителям поговорить, но об этом Антон не знал.

В храмах Самары он выставил людей. Каждый приход, каждая церковная лавка — фотография Люды обошла всех. Никто её не видел. Ни разу.

Один раз его люди засекли её на какой-то выставке в центре. Но пока они пробирались сквозь толпу, она исчезла. Растворилась. Как будто её и не было.

Антон рвал и метал. Он почти не спал, почти не ел, пил кофе литрами, смотрел на их фотографии зимой, хорошо что сил хватало на работу.

— Где ты, сейчас? — шептал он в пустоту. — Где ты, моя девочка?

И вдруг, в одну бессонную ночь, его осенило.

А если... если он сможет жениться на ней? По-настоящему? Если он найдёт выход из ситуации с отцом?

Он сел за стол, разложил бумаги. Бизнес, активы, недви-

жимость в трёх странах. Если бросить всё... если сказать отцу: «Я ухожу»... что он потеряет? Деньги? У него и так есть. Статус? К чёрту статус, если без неё всё равно не жизнь.

Антон просчитывал варианты, метался, но каждый раз упирался в стену. Условия отца были жёсткими: либо женитьба на нужной женщине, либо лишение всего. Но если он сам откажется от наследства? Если скажет: «Забирайте, мне ничего не нужно»?

Он встал, подошёл к окну.

Москва сияла миллионами огней. Холодная, чужая, без неё.

— Брошу, — сказал он вслух. — Брошу этот чёртов бизнес. Проживем, Придумаю что-то свое, ресурсы есть.

Если бы он знал тогда, в тот вечер, когда она спросила его про будущее... Если бы он мог вернуться назад и сказать ей: «Я женюсь на тебе хоть завтра, плевать на всё»... Она бы не ушла.

Но он молчал. А она ушла.

— Нужно потерять что-то дорогое, чтобы понять, насколько оно тебе дорого, — прошептал он.

Телефон завибрировал. Сообщение от Виктора:

«Антон Сергееч, есть зацепка. Девушку, похожую на Людмилу, видели в частном секторе за ипподромом. Проверяем».

Антон схватил телефон, набрал Виктора:

— Жду подробностей. Любых. Не упустите.

Он положил трубку и посмотрел на фотографию.
— Я найду тебя, девочка. И больше никогда не отпущу.

От автора: Друзья мои, ну как вам? Мартовское настроение, Катя с её сказками, тяжёлые взгляды Эдуарда и наконец-то прозревший Антон. Кто за кого болеет? Пишите в комментариях! ♥#

Добавьте книгу в библиотеку — чтобы не потерять

★ *Поставьте звезду* на главной странице — для меня это лучшая награда

Подпишитесь на автора — чтобы не пропустить новые главы и будущие романы

Мона Райд

ПОДПИСАТЬСЯ

114

РОМАНЫ

БЛОГ

КОММЕНТИРОВАЛ

Сортировать

По умолчанию

Эксклюзив

Когда тебя нет рядом

Мона Райд

★ 200 ↻ 151стр.

В тексте: босс и подчинённая, противостояние харак..., развод эмоционально

В процессе

Эту девушку нельзя...

Мона Райд

Глава 12. Лёгкость бытия

С Серёгой всё было иначе.

Люда поймала себя на этой мысли в очередной раз, когда они сидели в кафе после кино. Он заехал за ней в субботу вечером, предложил посмотреть какой-то новый фильм — «просто, чисто по-дружески, без задней мысли». Люда согласилась, потому что сидеть дома одной надоело, а Клавдия была на дежурстве.

Фильм оказался дурацким, но они хохотали над ним вдвоём, как дети, и это было главное.

Теперь они сидели в маленькой кофейне на набережной, за окном моросил мартовский дождь, смывая остатки грязного снега, и пахло свежей выпечкой. Серёга пил капучино с корицей, Люда — чёрный чай с бергамотом.

— Ну, рассказывай, — сказал он, откусывая кусок чизкейка. — Как там твой Эдуард Петрович поживает?

— С чего ты взял, что он мой? — нахмурилась Люда, но беззлобно.

— А он не твой? — Серёга притворно удивился. — А мне казалось, он на тебя виды имеет.

— С чего ты взял? — теперь уже серьёзно спросила Люда.

— Ну, не знаю, — Серёга пожал плечами. — Мужик он взрослый, одинокий, ты с его дочкой занимаешься, в дом к ним ездишь. Такие обычно просто так к себе не пускают. Тем

более учителей за так не держат.

— Он мне платит, — напомнила Люда.

— Вот именно! — Серёга поднял палец. — Если бы он хотел просто учителя, он бы взял тётку постарше, попроще. А он тебя взял. Молодую, красивую, с глазами грустными. И платит, между прочим, не просто так, а по-хорошему. Я ж не дурак, понимаю: доброта такого папика просто так не бывает.

Люда молчала, потому что в глубине души знала: Серёга прав. Не в деталях, не в конкретике, но в сути.

С Эдуардом Петровичем она чувствовала себя по-особенному. Он ни разу не сказал ей ни слова о симпатии, ни разу не сделал явного намёка. Но взгляд... этот взгляд, от которого хотелось то ли спрятаться, то ли, наоборот, раствориться. Она чувствовала его кожей. Когда он входил в комнату, воздух менялся. Когда он смотрел на неё, по коже бежали мурашки — не от холода, а от этого тяжёлого, собственнического, почти звериного внимания.

И это пугало.

Люда понимала: одно её неверное движение, один ответный взгляд — и он посчитает это сигналом. И тогда уже не вырваться. Он запеленает её своей энергетикой, своими взглядами, своей заботой, привяжет к Кате так, что она и дышать без них не сможет. Будет только он, только Катя, только этот дом. И если против Кати она ничего не имела — девочка стала почти родной, — если против Эдуарда в будничном,

человеческом смысле она тоже ничего не имела, даже была благодарна ему до слёз... Но спальня.

Спальня была закрыта.

Там, в самой женской сердцевине, был только один. И останется навсегда. Антон. Несравнимый, единственный, тот, от которого до сих пор щемит сердце по ночам. Тот, кого она хотела. Тот, кто не выбрал её.

Никого другого она не впустит. Не сможет. Даже если очень захочет забыться. Даже если очень нужно жить дальше.

Поэтому если Эдуард Петрович когда-нибудь облечёт свои взгляды в слова — она должна быть кремнием. Должна дать понять, что ни в коем случае не рассматривает его как мужчину. Иначе не выбраться. Он обяжет её своей тёмной, тяжёлой любовью, и она задохнётся.

— Эй, — Серёга тронул её за руку. — Ты где? Зависла?

Люда моргнула, возвращаясь в реальность.

— Здесь я. Задумалась просто.

— Опять о нём? — Серёга вздохнул. — Люда, ну скажи честно, он тебе нравится?

— Не в этом смысле, — ответила она тихо. — Я благодарна ему. Очень. Он дал мне работу, крышу над головой, возможность заниматься с Катей. Катя — чудо, я её полюбила. Но он... он не мой человек. Совсем не мой.

— А кто твой? — Серёга смотрел на неё с хитринкой.

— Дурак ты, Серёга, — улыбнулась Люда. — Не твоего

ума дело.

— Моего — он ткнул себя в грудь. — Я, между прочим, тоже кандидат. Официально заявляю.

— Ты — балбес, — Люда рассмеялась и толкнула его в плечо. — И вообще, ты младше меня на пять лет.

— И что?

— И то. Я старая для тебя.

— Ой, не смейся мои кроссовки, — Серёга закатил глаза. — Пять лет — это вообще не разница. У меня дядька на десять лет старше тётки, женился, живут душа в душу. И ничего, не жалуются.

— Там другие отношения, — вздохнула Люда.

— А у нас какие? — Серёга подался ближе. — Мы ж с тобой и в кино ходили, и в кафе сидели, и гуляли. Я тебя ни разу не напрягал, не лез с поцелуями и со всем остальным, хотя и хочется. Просто рядом был. Тебе же со мной хорошо?

— Хорошо, — честно призналась Люда. — С тобой легко, Серёга. Ты как... как младший брат, которого у меня никогда не было. Душевный, весёлый, родной.

— Ой, брат, — скривился он. — Это худшее, что можно сказать мужику.

— Прости, — улыбнулась Люда. — Но это правда. Он вздохнул, откинулся на спинку стула.

— Ладно, понял. Но я не сдаюсь, имей в виду.

— Упрямый.

— Жизнелюбивый, — поправил он, как всегда.

Люда посмотрела на него. Светлые волосы, светлые глаза, вечная улыбка. Солнечный мальчик, который несмотря на свои двадцать с хвостиком лет, оставался в душе тем же весёлым пацаном, что и в влосемнадцать. Рядом с ним было легко. Не надо было думать о взглядах, о том, как себя вести, что сказать. Можно было просто быть собой — смеяться, дурачиться, говорить любые глупости.

— Слушай, — вдруг оживился Серёга. — А давай я тебя прокачу? На байке? Мы с пацанами скоро открываем сезон. Как только подсохнет, выезжаем на трассу. Ветер, скорость, драйв! Ты ж такого не пробовала?

— Нет уж, — Люда решительно покачала головой. — Я на это не подписывалась.

— Почему?

— Потому что страшно. И холодно. И вообще, я слишком стара для таких развлечений.

— Опять ты про старость, — закатил глаза Серёга. — Слушай, если ты ещё раз скажешь «я старая», я тебя прямо здесь поцелую. Чтобы ты поняла, какая ты «старая».

— Попробуй, — усмехнулась Люда. — Я тебе врежу.

— О, какая! — восхитился он. — Люда, ты прелесть. Ну хочешь, просто с нами посидишь? На поляне? Шашлык, музыка, компания? Там все свои, никто не кусается. Отдохнёшь, отвлечёшься от своего Эдуарда Петровича.

— Он не мой, — в который раз поправила Люда.

— Да знаю я, знаю. — Серёга махнул рукой. — Ну так

что? Поедешь?

— Не знаю, — честно сказала Люда. — Подумаю.

— Думай быстрее, — подмигнул он. — Весна идёт, надо ловить момент.

Он расплатился за кофе, и они вышли на улицу. Дождь почти перестал, воздух пах весной и свободой.

...Он довёз её до калитки на Полевой. Машина остановилась, фары погасли, только свет в салоне горел мягким жёлтым светом.

— Ну всё, приехали, — сказал Серёга и вдруг не выключил двигатель, а просто повернулся к ней.

Люда потянулась к ручке двери, чтобы выйти, но в следующую секунду всё произошло слишком быстро.

Серёга надвинулся на неё, оказался совсем близко. Одной рукой он перехватил её запястья — крепко, но не больно, сжал в одной кисти так, что она не могла пошевелиться. Второй рукой взял за подбородок, приподнял её лицо, обхватил ладонью шею сзади — и впился губами в её рот.

Глава 12. 2 часть.

Люда дёрнулась, попыталась вырваться, упёрлась свободной рукой ему в грудь. Но он был сильнее, и его губы — тёплые, настойчивые — не отпускали.

А потом...

Потом накатило.

Солнце. Ветер. Вкус прибоя.

У него был одеколон — морской, свежий, с нотками соли и свободы. Или это не одеколон, а просто он сам такой? Люда не поняла. Но вдруг — совершенно неожиданно для себя — она перестала сопротивляться.

На секунду. Всего на одну секунду.

Но в эту секунду она почувствовала то, чего не ожидала после Антона. Там не было тяжёлой, тёмной страсти, от которой трясутся поджилки и в животе замирает что-то в предвкушении вторжения. Там было другое. Лёгкое, как весенний ветер. Тёплое, как солнце после долгой зимы. Солёное, как морская вода на губах. И какая-то шальная, сумасшедшая свобода.

Ей понравилось.

Она сама испугалась этого чувства, но оно было — настоящее, живое, тёплое.

Серёга оторвался от неё на секунду, посмотрел в глаза. Улыбка расплылась по его лицу такая широкая, что казалось,

сейчас порвутся щёки. Глаза горели, дыхание сбилось.

— Люда... — выдохнул он и снова потянулся к ней.

И тут она пришла в себя.

— Ах ты! — Люда со всей силы треснула его по голове — не больно, скорее для острастки. Рванула ручку двери и выскочила из машины, чуть не упав в грязный мартовский снег.

— Люда! — крикнул он вдогонку, высовываясь из окна.

— Люда, стой!

Но она уже летела к калитке, путаясь в собственных ногах, с бешено колотящимся сердцем и совершенно круглыми глазами.

Захлопнула за собой дверь, прислонилась к косяку, пытаюсь отдышаться.

— Твою ж дивизию, — прошептала она.

Губы горели. Внутри всё дрожало — не от страха, нет. От удивления. От открытия.

Она думала, что после Антона для неё не существует других мужчин. Что её тело навсегда закрыто, запечатано, предано только ему. А тут... какой-то Серёга со своим дурацким морским одеколоном и солнечной улыбкой...

Она коснулась пальцами губ.

— Блин, — выдохнула она.

Семён, дремавший на диване, поднял голову и посмотрел на неё с укоризной.

— Молчи, — сказала ему Люда. — Я сама не понимаю,

что это было.

А Серёга в это время ехал домой и улыбался так, что у прохожих, наверное, челюсти отвисали.

Она ответила. Она не оттолкнула. Ей понравилось.

Он чувствовал ещё на своих губах вкус её губ — сладкий, тёплый, такой желанный. В паху тяжелело и тянуло, кровь бурлила так, что хоть окна открывай. Он так долго ходил вокруг неё кругами, так долго ждал, так долго надеялся и уже почти перестал верить.

Столько он не ухаживал ни за одной женщиной. Обычно всё было просто: познакомился, понравилась, пару свиданий, секс, потом "ну давай, пока". А тут... этот экземпляр оказался с характером. С достоинством. С такой глубиной в глазах, что он тонул в ней каждый раз, когда она смотрела.

И вдруг — она ответила.

— Есть, — сказал он вслух, ударяя ладонью по рулю. — Есть, мать вашу!

Он был счастлив. По-настоящему, по-мальчишески, до крика, до восторга. Она ответила. Его Люда. Его неприступная, грустная, прекрасная Люда.

Он ещё не знал, что будет дальше. Но знал одно: теперь он не отступит. Ни за что.

Люда зашла в дом, разделась. На душе было странно — легко и тревожно одновременно. Рядом с Серёгой она забывала о своих страхах, о своей боли. Он был как лекарство —

не лечил, но снимал симптомы.

А потом пришло сообщение от Эдуарда:

«Доброй ночи, Людмила. Катя просила передать, что нарисовала для вас новую сказку. Ждёт в субботу. Спасибо, что вы есть»

Люда посмотрела на экран. Никаких намёков. Ничего лишнего. Просто тёплые слова.

Но почему-то от них стало немного тяжелее дышать.

Она ответила коротко:

«Спасибо, Эдуард Петрович. До субботы»

И выключила телефон.

Семён урчал в ногах. За окном моросил дождь. А Люда смотрела в потолок и думала о том, как сложно быть женщиной между двух таких разных мужчин.

Один — лёгкий, солнечный, с которым можно дурачиться и хохотать до упаду. Другой — тяжёлый, тёмный, от которого захватывает дух и хочется бежать без оглядки.

И где между ними она — она не знала.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в новую историю — «Ошибка в контракте».

Он — 40-летний состоятельный циник, привыкший держать все под контролем, которому нужна фиктивная жена, чтобы получить опеку над племянником.

Она — 24-летняя инфантильная художница, создающая авторских кукол, которая ищет мужа, чтобы умирающая бабушка ушла спокойно.

Их брак — сделка. Год без чувств, эмоций и любви. Контракт подписан.

Она делает ошибку в контракте. Он замечает. Но молчит. Теперь она на десять лет принадлежит ему.

Впереди — суд по опеке, любовь, ревность, похищение и враг из прошлого, который жаждет мести. А ещё — ночи, после которых она перестанет верить, что фиктивный брак не может стать настоящим.

Ошибка в контракте стала началом их любви. Но успеют ли они понять это до того, как пуля почти оборвёт всё?

Здесь пахнет масляной краской и жасмином, здесь контракты горят в камине, а ошибки становятся судьбой, а в мастерской рождаются авторские куклы. Хотите почувствовать эту магию? Читайте «Ошибка в контракте».

ЧИТАТЬ ТУТ

<https://litnet.com/shrt/zl6z>

Глава 13. Стратегия любви

Эдуард сидел в своём кабинете и смотрел в одну точку уже полчаса.

За окном серел мартовский вечер, с крыши капало, где-то в доме Зинаида гремела посудой. Катя уже спала — вымоталась за день, надышалась свежим воздухом и отрубилась в девять.

А он думал о ней. О Люде.

Эдуард Петрович не привык обманывать себя. В свои сорок шесть он чётко понимал, чего хочет, и умел это получать. Бизнес, положение, уважение — всё это было достигнуто благодаря холодному расчёту, выдержке и умению ждать.

Сейчас он ждал. И просчитывал.

Она реагировала на его взгляды странно. Он видел, как напрягается её спина, когда он входит в комнату. Как она отводит глаза, когда их взгляды встречаются. Как замирает, если он оказывается слишком близко. Это не было равнодушием. Это была борьба. С собой, с ним, с чем-то, что она не хотела в себе признавать.

И это давало надежду.

Эдуард усмехнулся своим мыслям. Он, взрослый мужик, стратег, просчитывающий многомиллионные сделки, сейчас сидит и думает, как завоевать сердце женщины. Смешно. Но факт.

Люда была не из тех, кто продаётся. Это он понял сразу. Её не интересовали его деньги, его дом, его положение. Она могла бы давно уже что-то из этого выжать, если бы была продажной. Но нет — она держала дистанцию, была благодарна, но не навязчива, принимала помощь, но не просила.

И это подкупало.

В молодости Эдуард на дух не переносил расчётливых бабышён, которые видели в нём только кошелёк. Люда была другой. В ней чувствовался стержень. Такая, если согласится быть с ним — не бросит. Ни когда он состарится, ни когда будут трудности. И Катю не бросит. Он видел, как она относится к его дочери — по-настоящему, с теплом, без фальши.

Он хотел её. Всю. Целиком. Чтобы она была в его доме, чтобы он мог управлять её жизнью, защищать её, заботиться о ней. Чтобы никогда не позволял ей общаться с этими молодыми... он даже думать не хотел о том парне, с которым она ходила на концерт. Мысль о том, что кто-то другой может к ней прикасаться, вызывала такую ярость, что приходилось сжимать кулаки до хруста.

Эдуард даже придумал план. Если Люда согласится быть с ним, он передаст управление комбинатом племяннику — толковому парню, давно готовому к ответственности. А сам уедет с ней и Катей куда-нибудь на Мальдивы или в Испанию. Будет просто наслаждаться жизнью, свободой и её любовью.

Если она полюбит.

Вот в чём загвоздка. Как заставить полюбить? Он знал,

что благодарность, обязанность, удобство — это можно создать. Но ему нужно было другое. Ему нужно было, чтобы она сама к нему потянулась. Чтобы улыбнулась по-настоящему. Чтобы позволила себя любить.

Его любви хватит на двоих. Он знал это точно.

Но как сделать первый шаг, чтобы не спугнуть? Чтобы она не закрылась, не убежала в свою раковину?

Судьба подкинула ответ сама.

Утром в среду Катя проснулась с температурой.

— Пап, у меня голова болит, — жалобно протянула она, когда Эдуард зашёл к ней в комнату. — И горло. И вообще я вся плохая.

Он потрогал её лоб — горячий. Градусник показал тридцать восемь и два.

Зинаида была в отъезде — уехала к сестре в другой город на пару дней. Эдуард заметался. Вызвать врача — само собой, но сидеть с Катей целый день... На работе срочные переговоры, сорвать нельзя.

Он посмотрел на дочку. Та лежала с несчастным видом, шмыгала носом и смотрела на него глазами, полными надежды.

— Пап, а можно Люда приедет? — вдруг спросила она. — С ней не так больно. Она читает сказки и гладит по голове.

Эдуард замер. Мысль метнулась мгновенно: повод. Идеальный, естественный, не притянутый за уши.

Он вышел в коридор и набрал Люду.

— Людмила, доброе утро. Извините, что беспокою. Катя заболела, температура. А мне на работу надо, переговоры важные. Вы не могли бы посидеть с ней? Я оплачу вам в двойном размере, сколько бы времени ни заняло. И за все дни, что пробудете.

— Эдуард Петрович, ну какие деньги, — в голосе Люды сразу появилась тревога. — Катя болеет? Конечно, я приеду. Что с ней?

— Температура, горло. Врач будет через час.

— Я выезжаю.

Через сорок минут она уже была в доме.

Катя, увидев её, расплылась в улыбке, несмотря на заложенный нос.

— Люда приехала! — закричала она сиплым голосом. — Я же говорила, что она приедет!

Люда присела на край кровати, потрогала лоб, покачала головой.

— Ну и горячая ты у нас. Давай лечиться.

Эдуард смотрел на них всего минуту — и выдохнул. Катя в надёжных руках. Можно ехать.

— Я на работе, если что — звоните сразу, — сказал он. — Людмила, спасибо.

— Идите, — махнула она. — Всё будет хорошо.

Дни потянулись странные, вывернутые из привычной колеи.

Люда осталась в доме. Сначала думала, что на один день, но Катя капризничала, температура не спадала, и Эдуард попросил остаться ещё.

— Я оплачу, — повторял он.

— Да не в деньгах дело, — отмахивалась Люда. — Жалко её.

Ей выделили гостевую спальню на втором этаже — роскошную, с огромной кроватью, мягкими коврами и ванной комнатой размером с её бывшую московскую кухню. Люда чувствовала себя неловко в этой роскоши, но Катя требовала, чтобы она была рядом, и пришлось смириться.

Они читали книжки. Люда заваривала ей травяной чай, полоскала горло, закапывала нос, ставила компрессы. Катя тянулась к ней, как к родной, засыпала, держа за руку, и Люда сидела рядом, пока девочка не начинала ровно дышать во сне.

Первая ночь была самой тяжёлой. Температура подскочила под сорок. Катя металась, плакала, звала маму. Люда не отходила от неё ни на минуту — меняла компрессы, поила жаропонижающим, гладила по голове, шептала что-то ласковое.

Эдуард был рядом. Они сидели у кровати вдвоём, передавая друг другу градусник и таблетки. И в какой-то момент Люда поймала себя на мысли, что не чувствует тяжести его взгляда. Он смотрел на дочку. Только на неё. И Люда вдруг увидела его другим — не властным мужчиной, не стратегом,

не собственником. А просто отцом. Перепуганным, уставшим, любящим отцом.

— Всё будет хорошо, — сказала она тихо. — Кризис миновал. Сейчас спадёт.

Он посмотрел на неё — и впервые в его глазах не было того самого, тяжёлого. Была просто благодарность.

— Спасибо, — сказал он. — Я бы не справился один.

— Справились бы, — улыбнулась Люда. — Но вместе легче.

Он кивнул и вдруг улыбнулся — устало, тепло, совсем домашнему.

— Чай будешь? — спросил он.

— Буду.

Глава 13. 2 часть.

Они спустились на кухню, оставив спящую Катю. Сидели за большим столом, пили чай с мятой и молчали. Молчание было уютным, не напряжённым. Люда вдруг поняла, что с ним тоже может быть легко. Когда он не давит, когда не смотрит этим своим взглядом... он просто человек. Хороший, надёжный, тёплый.

— Ты очень добрая, — сказал он вдруг, переходя на «ты».
— Прости, можно на «ты»? Как-то странно сейчас официально.

— Можно, — кивнула Люда.

— Люда, — он повторил её имя, будто пробуя на вкус. — Спасибо тебе. За всё.

— Не за что, — она улыбнулась. — Катя — чудо. Я рада, что могу помочь.

В ту ночь она уснула в своей роскошной спальне быстро и без снов. Впервые за долгое время.

А Эдуард лежал в своей комнате и смотрел в потолок.

Он справился. Он взял себя в руки, собрал волю в кулак и целый день смотрел на неё только как на помощницу, как на друга. Ни одного взгляда, который мог бы её напрячь. Ни одного намёка.

Она расслабилась. Она перестала сжиматься, когда он рядом.

Это была победа. Маленькая, но важная.

Ночью, когда дом затих, он позволил себе то, что копил весь день. Закрыв глаза и представил.

Её шею, когда она в домашнем халате наклонялась над Катей. Тонкую, нежную, с ямочкой у основания. Складки халата на груди, когда она потянулась за книгой. То, как поднимается и опускается её грудь при дыхании, когда она сидит у кровати и читает вслух.

Эдуард застонал сквозь зубы.

Встал, прошёл в ванную. Снял напряжение сам, глядя в одну точку и думая о ней. О том, что она здесь, в его доме. Спит на этом же этаже. И скоро — он сделает всё для этого — она будет спать в его спальне.

Он опытный игрок. Он играл в крупные сделки и выигрывал битвы, которые никто не мог выиграть. Эта женщина будет его. Не сегодня, не завтра. Но она будет.

За эти дни Люда почти не общалась с Серёгой.

Он звонил, писал, сначала весело, потом с лёгким недоумением, потом с растущим раздражением.

— Люда, ты где пропала? — спросил он на третий день. — Я уже с ума схожу.

— Катя болеет, я с ней сижу, — объясняла Люда. — Не могу сейчас.

— А этот твой... Эдуард Петрович что, сиделку нанять не может? — в голосе Серёги зазвенели ревнивые нотки. — Ты

ему кто? Бесплатная нянька?

— Он платит, — спокойно отвечала Люда. — И я не могу бросить девочку, ей правда плохо.

— А мне без тебя плохо! — выпалил Серёга. — Ты вообще помнишь, что было? Я помню. У меня до сих пор губы горят.

Люда смутилась и быстро свернула разговор.

На пятый день, когда Люда уже сама начала чихать и кашлять (заразилась-таки от Кати), в ворота позвонили.

Охранник принёс огромный букет цветов и пакет с фруктами. Записка: «Выздоровлявай! Скучаю! Твой Серёга».

Люда улыбнулась, поставила цветы в вазу и укололась о колючую мысль: а что скажет Эдуард?

Он приехал с работы через час. Увидел цветы, мельком глянул на записку, оставленную на столе. Ничего не сказал. Только желваки заходили на скулах.

Но вечером, когда Люда уже собиралась лечь, он зашёл к ней в комнату с чашкой чая.

— Ты сама заболела, — сказал он, ставя чашку на тумбочку. — Теперь моя очередь ухаживать.

— Не надо, я сама... — начала Люда.

— Надо, — перебил он мягко. — Лежи.

Он принёс лекарства, поправил одеяло, постоял секунду, глядя на неё сверху вниз. Взгляд был тёплый, заботливый, без тяжести.

— Спасибо, — сказала Люда.

Эдуард вышел.

В коридоре он остановился, прислонился лбом к стене и закрыл глаза.

Цветы от этого мальчишки. Записка. «Твой Серёга».

Ничего. Он всё равно победит. Такая женщина не для мальчиков. Она для мужчины. Для него.

Но на всякий случай он запомнил: Серёга. Пора выяснить, кто это и откуда. Чтобы в нужный момент перекрыть кислород.

Эта женщина будет его. Точка.

На следующее утро Люда проснулась от того, что Катя сидела рядом на кровати и гладила её по руке.

— Люда, ты тоже болеешь? — спросила она серьёзно.

— Угу, — просипела Люда.

— Тогда я буду за тобой ухаживать! — заявила Катя. — Я уже почти здоровая. Папа сказал, что мы теперь команда.

Люда улыбнулась сквозь кашель.

Команда. Странное слово. Но приятное.

Она посмотрела на дверь, за которой слышались шаги Эдуарда, и подумала: а ведь эти дни что-то изменили. Она перестала бояться его взглядов. Перестала ждать подвоха. Он был просто рядом — надёжный, спокойный, заботливый.

Если бы не Антон... Если бы не эта боль в сердце... Может быть, всё могло бы сложиться иначе.

Но Антон был. И никуда от этого не деться.

*От автора:*Друзья мои, ну как вам стратегия Эдуарда? А ревность Серёги? Пишите в комментариях, за кого вы болеете! И не забывайте подписываться на автора, ставить звёздочку и добавлять книгу в библиотеку ♥♥#

Глава 14. Весеннее равноденствие

Восьмое марта в доме Эдуарда Петровича выдалось солнечным, звонким и немного суматошным.

Утром Люда проснулась от того, что в дверь её спальни кто-то настойчиво скрёбся. Она открыла глаза — за окном уже вовсю сияло солнце, с крыши капало, а за дверью слышалось взволнованное сопение и шёпот.

— Люда, ты проснулась? — донеслось из-за двери.

— Проснулась, Катюш, заходи.

Дверь распахнулась, и в комнату влетела Катя — румяная, счастливая, с огромным букетом нежных кремовых тюльпанов в руках.

— С восьмым марта! — закричала она, бросаясь к Люде на кровать. — Это тебе от нас с папой! Мы сами выбирали!

Люда села, принимая цветы. Тюльпаны были необычные — махровые, с лепестками, похожими на пион, нежного кремового цвета с розовыми прожилками. К ним прилагалась коробка дорогих шоколадных конфет ручной работы и маленький свёрток.

— А это от меня! — Катя протянула свёрток. — Я сама рисовала!

Люда развернула — это был портрет. Катя нарисовала их вдвоём: Люду и себя. Они держались за руки, а вокруг летали бабочки и цвели цветы. В уголке было подписано детским

почерком: «Люде от Кати. Спасибо, что ты есть».

У Люды защипало в глазах.

— Катюша... — она прижала девочку к себе. — Спасибо, родная. Это самое лучшее, что мне дарили.

— А папа тебе ещё духи подарит! — выпалила Катя. — Он сам выбирал, я помогала!

В дверях появился Эдуард. Он стоял, прислонившись к косяку, и смотрел на них с той самой теплотой, которая в последние дни совсем перестала пугать Люду.

— Не терпится? — усмехнулся он, глядя на дочь. — Люда, с праздником тебя. Это от меня.

Он протянул ей элегантную коробку. Люда открыла — внутри, на шёлковой подушке, лежал флакон духов. Она узнала аромат сразу — тот самый, который когда-то давно, в другой жизни, она хотела себе купить, но жаба задавила. Очень дорогой, очень редкий, очень изысканный.

— Эдуард, это слишком... — начала она.

— Для тебя — самое то, — мягко перебил он. — И без отцеств мы же уже договорились. В такой день можно.

Люда посмотрела на него. Он стоял в светлом свитере, с лёгкой сединой на висках, с доброй улыбкой. И впервые за долгое время в его взгляде не было той тяжести, которая её пугала. Была просто забота. Тёплая, спокойная, надёжная.

— Спасибо, Эдуард, — сказала она тихо.

— А мне куклу подарил! — Катя показала свою коробку. — Смотри!

Люда посмотрела. В коробке лежала кукла из новой коллекции — та самая, о которой Катя мечтала уже несколько месяцев. Это была волшебница в одежде с мерцающими звёздными акцентами, со шляпой ведьмы, сумочкой-луной, хрустальным шаром и путеводителем по звёздам. У куклы были даже маленькие тонированные очки и крошечная трость.

— У неё есть котёл! — восторженно объясняла Катя. — Если налить туда воду, там появляется амулет!

— Потрясающая кукла, — искренне восхитилась Люда. — Катя, ты счастливица.

— Я знаю, — серьёзно кивнула Катя. — Папа сказал, что я хорошо себя вела и поэтому я заслужила.

Люда и Эдуард переглянулись поверх головы девочки. В этом взгляде было что-то общее, объединяющее — как будто они уже были семьёй.

Клавдия написала длинное тёплое сообщение и прислала смешную открытку с котом.

И Серёга.

Он звонил раз пять. Писал в мессенджере, кидал смешные картинки, требовал, чтобы она вышла на улицу. Люда отвечала коротко, потому что говорить долго не могла — кашель после болезни всё ещё мучил её, особенно по утрам и вечерам.

— Ты чего не выходишь? — возмущался Серёга в трубку. — Я тут подарок привёз, стою у ворот!

— Серёж, я болею, — сипела Люда. — Кашель, температура была. Не могу я.

— А я тебя вылечу! — не унимался он. — Выходи, говорю!

Люда откладывала телефон и кашляла в подушку.

К вечеру Катя ушла к себе смотреть мультики, а Люда сидела в гостиной с книгой. Эдуард зашёл, поставил рядом с ней чашку травяного чая с мёдом и сел в кресло напротив.

— Как себя чувствуешь? — спросил он.

— Лучше, — улыбнулась Люда. — Кашель ещё есть, но уже не так сильно.

— Не торопись уезжать, — сказал он осторожно. — У Клавдии дом не очень тёплый, можешь получить осложнения. Побудь пока здесь. Катя счастлива, и мне... спокойнее.

Люда задумалась. Она и правда почти поправилась, и очень хотела домой — к Клавдии, к Семёну, в свой маленький уютный мир. Но с другой стороны, здесь было тоже хорошо. Тепло, заботливо, по-домашнему.

— Подумаю, — ответила она.

Он кивнул и ушёл к себе.

Ночью Люда долго не могла уснуть. Смотрела в потолок и думала.

Она всё перебирала в голове: вот он — положительный мужчина. Надёжный, добрый, заботливый. Любит дочку, которая к ней тянется. Катя будет расти, а Люда станет ей и подругой, и старшей сестрой, и почти матерью. Потом Катя

вырастет, выйдет замуж, родятся внуки. И Эдуард будет рядом. Если она станет с ним ласковой...

Люда чувствовала: стоит ей дать один намёк, один ласковый взгляд — и он раскроется. И тогда уже не будет пути назад.

Но сердце кричало: нет.

Оно хотело Антона.

Мысль о нём пришла внезапно, как всегда, и заняла под рёбрами. А что, если позвонить ему? Просто взять и набрать номер. Услышать его голос. Может быть, он приедет? А может, и нет. Но тогда она хотя бы будет знать точно.

Люда вспомнила, как пару недель назад листала новости в интернете и случайно наткнулась на фото. Антон на каком-то благотворительном концерте в Москве. Рядом с ним была женщина — красивая, ухоженная, ему под стать. Люда пролистнула фото так быстро, будто обожглась, и запретила себе думать.

Но сейчас, в темноте, мысль вернулась.

Пусть будет так, как хочет он. А она будет жить свою жизнь. Ту, которая у неё есть.

Днём следующего дня телефон снова завибрировал. Серёга. Эдуард был на работе, Катя в школе.

— Люда, выходи, — голос у него был какой-то странный, одновременно настойчивый и заговорщицкий. — Я у ворот. Если не выйдешь, я залезу через забор. Честное слово.

— Серёж, ну что за детский сад, — вздохнула она. — У

меня кашель...

— А я тебя вылечу! Выходи, говорю! Я полчаса ждал, пока этот твой... ну, Эдуард, он уехал? Я видел, как его машина уехала. Выходи!

Люда вздохнула, накинула пуховик поверх домашнего и вышла за ворота.

Серёга стоял, прислонившись к своей серебристой «Гранте», и сиял, как начищенный самовар. В руках у него была переноска.

— С праздником, — сказал он торжественно. — С опозданием, но от души.

Он открыл дверцу переноски, и оттуда высунулась крошечная чёрная мордочка с огромными жёлтыми глазами.

Люда ахнула.

— Это... это котёнок?

— Британская девочка, — гордо объявил Серёга. — Три месяца. Чёрная как ночь. Я подумал, тебе одной скучно, а Семён твой старый уже, с ним не поиграешь. А эта — во!

Он вытащил котёнка. Малышка была идеальной — чёрная шёрстка с чуть заметным шоколадным отливом, круглые щёчки, огромные глаза и пушистый хвостик трубой. Она доверчиво ткнулась носом в Людину руку и замурчала, как маленький трактор.

Люда забыла, как дышать.

— Серёжа... — выдохнула она. — Ты... это... как?

— А вот так! — он довольно осклабился. — Я же гово-

рил, что подарок будет оригинальный. Смотри, тут полный комплект.

Он открыл багажник — там лежали лоток, наполнитель, миски, корм (элитный, для котят британской породы), когтеточка, домик и даже маленькая расчёска.

— Ты с ума сошёл, — прошептала Люда, прижимая котёнка к груди. — Это же целое состояние.

— Для тебя ничего не жалко, — сказал Серёга просто. — Ну что, поехали домой? Отвезу тебя и кошатину эту. А то тут у твоего Эдуарда... ну, в общем, неудобно.

Люда замялась ровно на секунду.

Глава 14. 2 часть

— Поехали.

Она быстро нацарапала записку для Кати и Эдуарда: *«Уехала домой, спасибо за всё, позвоню позже»*, оставила на столе в гостиной и выскользнула за ворота.

У Клавдии дома было пусто — она была на работе. Люда открыла дверь своим ключом, и они вошли.

Семён, дремавший на диване, приподнял голову, увидел котёнка, выпучил глаза и спрыгнул на пол с видом оскорблённого достоинства. Котёнок, наоборот, почувствовал себя как дома сразу — обнюхал угол, понюхал миски и уселась посреди кухни, задрав хвост.

— Какая же ты красивая, — Люда села на пол, взяла котёнка на руки и прижала к себе. Та замурчала ещё громче, ткнулась носом в шею и закрыла глаза от удовольствия.

Серёга стоял рядом и смотрел на неё. Глаза у него горели, дыхание участилось.

— Люда... — он присел рядом, взял её за руку. — Я так рад, что ты согласилась.

— Спасибо тебе, — искренне сказала она. — Это лучший подарок в моей жизни.

Он придвинулся ближе, прижался к ней плечом. Потом обнял одной рукой, слегка притягивая к себе. Люда не сопротивлялась — было тепло и уютно, как тогда, в машине.

Котёнок, намурчавшись, прыгнул с рук и пошёл исследовать лоток, который Серёга уже успел наполнить.

— Смотри, какая умная, — улыбнулась Люда.

— Люда, — Серёга повернул её лицо к себе. — Я так долго ждал...

И поцеловал.

Сначала мягко, неуверенно. Потом настойчивее, жарче. Люда замерла на секунду, а потом снова накатило то самое — солнце, ветер, свобода, солёный прибой. Она ответила.

Серёга распалился. Он прижал её, запустил руки под худы, нашёл грудь — без лифчика, тёплую, живую. Сжал сосок, Люда выдохнула ему в губы. Он уже расстёгивал её джинсы, уже засунул руку внутрь, уже нашёл то самое место, ту самую кнопку, от которой всё внутри сжималось и хотелось кричать...

И это отрезвило.

— Нет! — Люда резко оттолкнула его. — Серёга, нет.

Он замер, тяжело дыша. В глазах — огонь, разочарование, непонимание.

— Почему? — выдохнул он. — Ты же чувствуешь... я же вижу, что тебе нравится...

— Нравится, — Люда поправила одежду, отдышалась. — Но до свадьбы — нет.

Серёга вытаращил глаза.

— Чего?

— Ты слышал. — Она посмотрела на него строго. — У

меня уже был брак. И еще отношения : сначала чувства, потом секс, а потом фигня. Я так больше не хочу. Если у нас с тобой что-то серьёзное — только после ЗАГСа. Если нет — то даже не начинай.

Серёга моргнул. Потом ещё раз. А потом вдруг расхохотался.

— Люда, ты... ты серьёзно? — он схватился за голову, но смех не прекращался. — Двадцать первый век на дворе, а ты как барышня из девятнадцатого!

— Я такая, — отрезала она. — Не нравится — не надо.

— Да нравится, нравится! — он перестал смеяться, подошёл ближе, но руку не протянул. — Просто... ты необычная. Я таких не встречал.

— Вот поэтому я тебе и нравлюсь, наверное, — усмехнулась Люда.

Серёга вздохнул, присел на корточки, погладил котёнка, который уже наелся корма и теперь тёрся о его ноги.

— Люда, — сказал он тихо. — Я тебя сделаю счастливой. Честно. Я молодой, сильный, могу долго, много и очень любя. Не то что твой старый Эдуард. У нас с тобой всё будет по-другому. По-настоящему.

— Мальчик мой, — Люда вздохнула. — Ты ещё так мало понимаешь в отношениях. Скоро у тебя появится молодая девочка, и с ней ты будешь долго, и много, и любя. И она с тобой будет так же. И детки у вас будут красивые, и счастье. А со мной — только дружить, если хочешь.

— Не хочу дружить, — насупился он.

— Хочешь, — улыбнулась Люда. — Потому что даже если я сейчас совсем отобью себе голову и соглашусь выйти за тебя, детей я тебе родить не смогу. А ты через пять лет захочешь. Обязательно захочешь.

— Не захочу, — упрямо сказал Серёга. — Мне никто не нужен, кроме тебя.

— Это пока, — тихо сказала Люда. — А потом будешь смотреть на чужих детей и жалеть. Я не хочу тебе такой судьбы.

Серёга замолчал. Долго смотрел на неё. Потом вздохнул и улыбнулся своей солнечной улыбкой.

— Ладно, — сказал он. — Уговорила. Пока дружим. Но я всё равно буду рядом.

— Договорились, — улыбнулась Люда.

Котёнок, которому надоело, что на него не обращают внимания, взобрался Люде на колени и требовательно мяукнул.

— А это кто у нас? — Люда подхватила малышку. — Как же тебя назвать?

— Ночка, — предложил Серёга. — Чёрная же.

— Ночка, — повторила Люда. — Красиво, а глаза желтые, давай Луна, с ударением на последний слог. Серега улыбнулся и кивнул.

Луна довольно зажмурилась и замурчала.

А в это время в доме Эдуарда было тревожно.

Он вернулся с работы и сразу понял: что-то не так. Катя сидела в гостиной с несчастным видом, сжимая в руках записку.

— Пап, Люда уехала, — сказала она дрожащим голосом. — Она написала записку и ушла. А я даже не попрощалась. Эдуард взял записку, прочитал. Скупое, сухо, без объяснений.

Он набрал её номер.

— Люда, ты где? — голос был спокойным, но внутри всё кипело.

— Эдуард, я дома, у Клавдии, — голос у неё был виноватый. — Прости, что не попрощалась. Серёжа заехал, ну и... я соскучилась по дому.

— Понял, — коротко ответил он. — Как себя чувствуешь?

— Лучше. Кашель ещё есть, но ничего.

— Выздоровливай. Катя скучает.

— Я позвоню ей завтра. Обещаю.

Он положил трубку и долго сидел в кресле, глядя в одну точку.

Серёжа. Опять этот мальчишка. Заехал. Увёз.

Эдуард встал, подошёл к окну. У ворот висела камера, и он знал, что есть запись. Он набрал номер своего человека.

— Привет. Нужна помощь. Пробить машину. И того, кто на ней ездит. Всё, что можно. И подумать, как сделать, чтобы человек этот на определённую территорию больше не сошелся. Без криминала, аккуратно, но чтобы понял.

Он отключился и посмотрел на небо.

В душе боролись два чувства. Одно — злость, глухая, собственническая, почти звериная. Второе — вина перед Богом. Он же в храм ходит, свечи ставит, а сам сейчас замышляет... что?

Но тут же внутри зазвучал другой голос, спокойный и уверенный.

Бог послал ему Люду. Одинокую, никому не нужную, без кола без двора, без детей и без возможности их родить. Чтобы он о ней заботился. Чтобы направлял. Потому что он старше, мудрее, опытнее. Он знает, как сделать её счастливой.

А те, кто будут стоять на пути... они просто подвинутся. Нежно, аккуратно, без криминала. Но подвинутся. Потому что это его женщина. Его и Катина.

Эдуард перекрестился на икону в углу кабинета и пошёл к дочке — утешать.

От автора: Друзья мои, ну как вам котёнок? А сцена с Серёгой? А холодный расчёт Эдуарда? Пишите в комментариях, жду ваши мысли! И не забывайте подписываться на автора, ставить звёздочку и добавлять книгу в библиотеку ♥#

Глава 15. Луна

Луна поселилась в доме на Полевой и очень быстро стала его полноправной хозяйкой.

Она была идеальной — чёрная шёрстка с лёгким шоколадным отливом переливалась на солнце, круглые жёлтые глаза смотрели на мир с любопытством и доверием, а пушистый хвост трубой гордо реял над спиной, когда она носилась по комнатам, Люда не могла налюбоваться.

С первых дней котёнок прикипел к ней невероятно. Луна ходила за Людой по пятам, как привязанная. Спала только у неё на подушке, уткнувшись носом в шею. Когда Люда работала за ноутбуком, Луна забиралась ей на колени и мурчала, требуя, чтобы её гладили. Когда Люда уходила в душ, Луна сидела под дверью и жалобно мяукала.

— Ты моя навязчивая, — смеялась Люда, подхватывая котёнка на руки. — Ты ж без меня не можешь?

Луна довольно жмурилась и мурчала ещё громче.

Клавдия поначалу отнеслась к появлению нового жильца настороженно. Но уже через пару дней поддалась всеобщему кошачьему гипнозу.

— Ну, зараза, — ворчала она, когда Луна запрыгивала к ней на колени и начинала топтаться, перебирая лапками. — И чего тебе надо? Мурчишь тут... — и сама же гладила котёнка по мягкой шёрстке.

Семён, старый рыжий кот, первое время делал вид, что Луны не существует. Он демонстративно уходил в другой угол, когда она приближалась, и смотрел сквозь неё с оскорблённым видом. Но Люда замечала, как он украдкой принюхивается к новому запаху, как следит за ней краем глаза, когда Луна резвится. Старый кот делал вид, что ему всё равно, но на самом деле изучал нового члена прайда.

— Семён, не будь букой, — уговаривала его Люда. — Она ж маленькая. Посмотри, какая хорошая.

Семён отворачивался и демонстративно засыпал.

Серёга теперь приезжал к ним как на работу.

У него появился официальный повод — проверять "их общего ребёнка", как он в шутку называл Луну. Он привозил котёнку вкусняшки, игрушки, новые мисочки. Луна встречала его радостным писком и лезла на руки, вылизывая нос и щёки.

— Видишь, она меня любит, — довольно говорил Серёга. — Потому что я папка.

— Папка, — смеялась Люда. — Ты хоть знаешь, чем кормить британского котёнка?

— Знаю! — Серёга доставал из пакета корм. — Элитный, для котят британской породы. И ламинарию для чёрной шерсти!

— Откуда ты знаешь про ламинарию?

— Интернет изучил, — гордо заявлял он. — Я же ответственный отец.

Клавдия, глядя на их возню, только головой качала:

— Ох, Серёга, ты б лучше за Людой так ухаживал, как за котёнком.

— А я и ухаживаю! — Серёга тут же подскакивал к Люде, пытаясь её обнять. — Люда, дай я тебя поцелую.

— Отстань! — отбивалась Люда, но беззлобно.

Он не воспринимал её угрозы всерьёз. Люда сказала тогда, что перестанет с ним общаться, если он не прекратит свои домогательства. Но Серёга знал: не перестанет. Во-первых, он чувствовал, что ей нравится — хоть она и сопротивляется. Во-вторых, у них теперь Луна. Куда она денется с "общим ребёнком"?

Он был неутомимым. Всё время норовил прикоснуться, обнять, огладить по спине, задержать руку на талии. Люда отбивалась, но как-то вяло. Рядом с ним действительно было легко и солнечно, и эти его прикосновения — лёгкие, тёплые, ненавязчивые — она ловила себя на мысли, что ждёт их.

А он вживался в роль. Ездил с ней к ветеринару на первую прививку, вёл себя как заправский глава семейства. В клинике заполнял документы, на вопрос "кем приходитесь" отвечал: "отец, в кавычках, но временно". И подмигивал Люде.

— Серёга, перестань! — шипела она.

— А что? — делал он круглые глаза. — Я ж правду говорю. Мы ж семья: мама Люда, папа Серёга и дочка Луна.

Врач — молодая женщина — смотрела на них с умилением и, кажется, верила.

После прививки Серёга повёз их домой, заехал по дороге в зоомагазин и купил Луне новый домик — мягкий, уютный, с подушечкой.

— Зачем? — удивилась Люда. — У неё уже есть домик, который ты дарил.

— Это старый, — отмахнулся Серёга. — А этот новый. Пусть у девочки будет выбор.

Люда смотрела на него и не знала, что думать. Он был таким... настоящим. Таким живым. С ним не нужно было ничего из себя строить. Можно было просто быть.

Антон.

Имя всплывало в голове каждый раз, когда Люда пыталась понять, что происходит. Антон не выбрал её. Не захотел жениться. А Серёга — хочет. Серьёзно, по-настоящему, каждый день ей об этом напоминая.

— Люда, давай съедемся, — сказал он однажды, когда они сидели в машине после очередного визита к ветеринару. — Ты же хотела снять студию на побережье. Давай снимем вместе? Я буду платить, а вы с Луной будете меня любить.

— Серёга, — вздохнула она. — Ты серьёзно?

— Абсолютно. — Он повернулся к ней, глаза горели. — Я хочу жить с тобой. Каждый день просыпаться и видеть тебя. И Луну. Я уже привык, что вы мои.

— Но у нас же не может быть детей, — тихо сказала Люда. — Я тебе говорила. Ты через пять лет захочешь...

— Не захочу. — Он взял её за руку. — Люда, мне никто

не нужен, кроме тебя. Я не знаю, как это объяснить, но я никогда никого так не хотел. Не для секса, а просто... быть рядом. Ты как солнце, понимаешь? Рядом с тобой тепло.

Люда молчала. Она запуталась. Рядом с ним хорошо. Тепло. Солнечно. Но внутри, глубоко-глубоко, всё ещё ныл Антон. Тот, другой. Тяжёлый, тёмный, собственнический. Тот, от которого захватывало дух и подгибались колени.

Где хорошо, а где плохо — она уже не понимала.

— Я подумаю, — ответила она.

Серёга улыбнулся своей солнечной улыбкой и завёл мотор.

Глава 15. 2 часть

Эдуард скучал.

Люда по-прежнему приходила заниматься с Катей, и эти занятия были для него единственной отдушиной. Он ловил каждое её движение, каждый взгляд, каждую улыбку. Она рассказывала Кате про Луну, показывала фотографии на телефоне. Катя была в восторге.

— Пап, а можно мы съездим к Люде посмотреть на котёнка? — просила она каждый день.

Эдуард сдался.

В субботу после обеда они приехали на Полевую. Эдуард впервые был в этом маленьком домике. Тесно, бедно по сравнению с его хоромами, но уютно. Клавдия встретила их радушно, напоила чаем с пирогами. Катя сразу затискала Луну, которая, кажется, была рада новым зрителям.

Люда сидела напротив Эдуарда, и он смотрел на неё. Домашняя, в мягком свитере, с распущенными волосами, с Луной на руках — она была такой... своей. Желанной. Родной.

Он уже начал расслабляться, наслаждаться этим тихим семейным чаепитием, когда дверь распахнулась без стука.

— Люда! Я привёз Луне вкусняшки! — в комнату влетел Серёга с пакетом в руках и замер, увидев Эдуарда.

Повисла тишина.

Эдуард сидел с каменным лицом, только желваки ходили на скулах. Серёга стоял в дверях с пакетом, но на его лице не дрогнул ни один мускул. Он ничуть не смутился.

— О, гости, — сказал он спокойно. — А я к своим. Луна, иди к папке!

Котёнок, услышав знакомый голос, спрыгнул с Людиных колен и понёсся к Серёге. Тот подхватил его на руки, чмокнул в нос и, не обращая внимания на Эдуарда, прошёл к столу.

— Клавдия Петровна, здравствуйте. А это, наверное, Катя? Люда рассказывала. Красивая какая, вся в папу. — Он поставил пакет на стол. — Тут вкусняшки для Луны, разрешённые ветеринаром. И для людей тоже кое-что есть.

Он сел рядом с Людой, положил руку на спинку её стула — почти обнимая. Луна устроилась у него на коленях и замурчала.

— Мы сегодня с Луной к ветеринару ездили, — сообщил он Кате. — Прививки ставили. Она у нас такая смелая, даже не пискнула.

Катя смотрела на него круглыми глазами. Клавдия делала вид, что очень занята чаем. Люда покраснела и не знала, куда деваться.

Эдуард медленно поставил чашку на стол.

— Простите, — сказал он ледяным тоном. — Катя, нам пора.

— Пап, но мы только приехали! — захныкала Катя.

— Пора, — повторил он, вставая.

Катя поняла, что спорить бесполезно. Попрощалась с Людой, погладила Луну и, бросив обиженный взгляд на Серёгу, пошла к выходу.

Эдуард вышел, даже не обернувшись. Только в дверях бросил короткий взгляд на Серёгу — такой, что у нормального человека поджилки бы затряслись. Но Серёга только улыбнулся в ответ и помахал рукой:

— Приезжайте ещё! Всегда рады!

Когда машина Эдуарда отъехала, Клавдия перевела дух.

— Ну, Серёга, ты даёшь, — покачала она головой. — Не боишься?

— А чего бояться? — Серёга пожал плечами. — Он человек, я человек. Он хочет Люду, я хочу Люду. Пусть победит сильнейший.

— Дурак ты, — вздохнула Клавдия. — Он такие вещи не прощает.

— А я и не прошу прощения, — усмехнулся Серёга. — Люда, ну чего ты молчишь? Тебе понравилось?

Люда посмотрела на него. С одной стороны — неловко, стыдно перед Эдуардом. С другой — внутри росло какое-то странное, тёплое чувство. Серёга не испугался. Пришёл, сел, обнял. Как будто так и надо.

— Ты невозможный, — сказала она.

— Я знаю, — улыбнулся он. — Но ты меня уже любишь.

— С чего ты взял?

— По глазам вижу, — он чмокнул её в нос. — Ладно, поехал я. Выйдешь проводить?

А в это время Эдуард вёз Катю домой и едва сдерживал бешенство.

Этот мальчишка. Этот щенок. Он в его присутствии позволял себе так с ней сидеть, так на неё смотреть, так называть котёнка "нашим". Это был вызов. Открытый, наглый, беспардонный.

Эдуард довёз Катю, убедился, что она занята своими делами, и ушёл в кабинет. Достал телефон, набрал номер.

— Нужно кое-что сделать. Машина, номера такие-то. Чтобы хозяин на неделю забыл, как ездить. Поломка серьёзная, но без криминала. И эвакуатор чтобы подальше увёз, за город. Пусть помучается.

На том конце подтвердили.

Эдуард отключился и посмотрел на икону в углу.

— Прости, Господи, — перекрестился он. — Но это моя женщина. И я никому не позволю её отнять.

На следующее утро Серёга вышел к своей "Гранте" и обомлел. Машина стояла на приспущенных колёсах, а из-под капота торчали какие-то провода. Подошёл ближе — понял: стартёр накрылся, и не просто так, а капитально. Ремонт минимум на неделю, да ещё и эвакуатор вызывать в другой конец города, потому что ближайший сервис, который согласился взяться, оказался за пятьдесят километров.

Серёга почесал затылок и вдруг улыбнулся.

— Ну, Эдуард Петрович, — сказал он в пустоту. — Красиво работаете. Но я тоже не лыком шит.

Он позвонил Люде и, когда она взяла трубку, бодрым голосом сообщил:

— Люд, я временно безлошадный. Приеду к тебе на автобусе. Жди гостей!

— Что случилось? — встревожилась Люда.

— Да так, — усмехнулся Серёга. — Конкуренты шалят. Но я ещё поборюсь.

От автора: Друзья мои, ну как вам противостояние? Серёга догадался, чьих рук дело? А что будет дальше? Пишите в комментариях! И не забывайте подписываться на автора, ставить звёздочку и добавлять книгу в библиотеку ♥️#

Глава 16. Замок Гаррибальди

Весна вступила в свои права окончательно и бесповоротно.

Снег сошел почти полностью, обнажив мокрую, дышащую землю. Дороги просохли, по обочинам побежали звонкие ручьи, а воздух наполнился тем особенным весенним запахом, от которого хочется жить, любить и куда-то ехать. Люда ловила себя на том, что всё чаще смотрит в окно и улыбается.

В субботу у ворот раздался знакомый рокот — низкий, басовитый, совсем не похожий на тарахтение Серёгиной «Гранты». Люда выглянула и замерла.

У калитки стоял мотоцикл. Красивый, стремительный, агрессивный — ярко-синий Yamaha с хищным обтекателем в стиле гоночного M1. А на нём сидел Серёга — в закрытом шлеме, чёрной мотокуртке с защитой на плечах и локтях, высоких мотоботах. Дорогая экипировка сидела на нём как влитая, подчёркивая широкие плечи, тонкую талию и длинные ноги.

Он снял шлем, тряхнул светлыми волосами и улыбнулся своей лучезарной улыбкой.

— Ну как тебе байк? — спросил он, похлопывая по бензобаку. — Ямаха, двести лошадей. Правда, красавец?

Люда смотрела на него и не могла отвести взгляд. Он был невероятно хорош — этот солнечный мальчик на хищном

звере. Контраст убивал.

— Серёга... — выдохнула она. — Это же опасно.

— Опасно — это когда страшно, — подмигнул он. — А я родился на мотоцикле. Слушай, я чего приехал. Давай прокачу?

— На этом? — Люда с ужасом посмотрела на мотоцикл. — Нет, даже не думай.

— Ну, на этом я тебя и сам не повезу, — засмеялся Серёга. — Спортивный мотоцикл — это для одного. А для двоих у меня есть вариант. У друга могу взять Honda. Это такой туристический мотоцикл, настоящий «диван на колёсах» — там сиденья мягкие, ветровик, музыка, можно хоть на край света ехать и не устать.

— И куда ехать? — настороженно спросила Люда.

— А вот куда! — Серёга достал телефон, нашёл фотографии и протянул ей. — Смотри. Замок Гаррибальди. Это в Самарской области. Представляешь?

Люда посмотрела на фото и ахнула. Настоящий средневековый замок с башнями, шпилями, витражами и статуями рыцарей у входа. На фоне Волги это смотрелось нереально, сказочно.

— Там есть подъёмный мост, — с увлечением рассказывал Серёга, видя её реакцию. — Часовня, конюшни, скульптуры, кованые решётки. Внутри — рыцарские залы, камин, витражи. Мы с пацанами ездили прошлым летом, я просто офигел. Красота неземная! И прямо на берегу Волги. Хо-

чешь, покажу?

— Хочу, — честно призналась Люда. — Но не на мотоцикле.

— Люда-а-а, — заныл Серёга. — Ну почему? На Хонде безопасно, там даже пассажирское сиденье с подогревом и подлокотники! Спинка есть! Люди на них по всей Европе ездят и не жалуются.

— Серёга, я боюсь, — твёрдо сказала Люда. — Я на машине и то не всегда уверенно, а тут мотоцикл. Давай лучше на машине?

Серёга вздохнул, помрачнел, но спорить не стал. Рассказал, что Гранта до сих пор в ремонте, и этот ремонт подозрительно затягивается. Эдуард Петрович постарался — это было понятно даже без доказательств. Но Серёга не унывал.

— Ладно, — сказал он. — Тогда я у друга тачку возьму. И поедем компанией — мои пацаны на мотоциклах, мы с тобой на машине. В воскресенье, например. Переночуем в отеле по дороге, а в понедельник погуляем по замку и обратно.

— В понедельник? — Люда задумалась. — Надо у Эдуарда отпроситься...

— Опять этот твой, — скривился Серёга, но тут же снова улыбнулся. — Ладно, отправивайся. А я пока забиваю поездку.

— А деньги? — спросила Люда.

— Забудь, — отмахнулся Серёга. — Я, между прочим, жених завидный. У меня не только такси, но и бизнес есть.

Фильтры для мотоциклов на маркетплейсах продаю. Идёт неплохо, почти на квартиру уже скопил. Так что угощаю.

Люда улыбнулась. Рядом с ним всё было просто. Легко. Без тяжести.

В понедельник утром Люда позвонила Эдуарду.

— Эдуард, можно отпроситься в ближайший понедельник с работы? Хочу съездить с друзьями в замок Гаррибальди.

Пауза. Тишина в трубке была такой плотной, что её можно было резать ножом.

— С какими друзьями? — голос Эдуарда звучал спокой-но, но Люда знала уже этот тон.

— С Серёжей и его компанией, — честно ответила она.

Ещё одна пауза. Потом ровный, деловой голос:

— Люда, к сожалению, не получится. У нас срочные заказы на глазированные сырки. Нужно делать дизайн упаковки и рекламные материалы. Очень срочно. Придётся тебе поработать в эти дни.

— Но я могу работать в поездке... — начала Люда.

— Лучше, если ты будешь на связи. Извини, но работа есть работа.

Он отключился.

Люда смотрела на телефон и чувствовала, как внутри закипает злость. Он сделал это специально. Не мог не сделать.

Вечером приехал Серёга. Выслушал, помрачнел, потом усмехнулся.

— Ну, Эдуард Петрович, — сказал он, потирая руки. —

Игра началась. Ладно, Люда, не парься. Я что-нибудь придумаю.

Он сидел у неё на кухне, играл с Луной, которая уже привыкла к нему и лезла на руки, и смотрел, как Люда работает за ноутбуком. В глазах его читалась какая-то мысль — упрямая, мальчишеская, но упрямая.

— Ничего, — повторил он. — Я этого так не оставлю.

В пятницу вечером Серёга снова приехал — на такси. Люда удивилась, но он объяснил:

— Тусовка у пацанов. На мотоциклах собираются, у ко-стра посидеть, музыку послушать. Я безлошадный пока, но меня Костик подбросит. Поехали с нами? Отвлечёшься.

Люда согласилась. Надоело сидеть в четырёх стенах, надоела работа, надоело думать о том, кто прав, кто виноват.

На поляне за городом собралось человек десять — молодые парни, мотоциклы, костёр, гитара. Люда чувствовала себя немного не в своей тарелке, но Серёга был рядом, знакомил, шутил, подливал чай из термоса.

Когда он отошёл поздороваться с подъехавшими друзьями, к Люде подошёл тот самый парень — высокий брюнет с длинными волосами, собранными в хвост, узкими губами и чёрными глазами. Тот, что так пристально смотрел на неё на первом квартирнике.

— Стас, — представился он, садясь рядом. — Мы не познакомились нормально в прошлый раз.

— Помню, — сухо ответила Люда.

Он кивнул на стоящий неподалёку мотоцикл — мощный, агрессивный, зелёный.

— Хочешь прокачу? — сказал он с лёгкой гордостью.

— Нет, спасибо, — отказалась Люда.

Стас усмехнулся, поправил волосы и посмотрел на неё с видом человека, который привык нравиться.

— Слушай, — сказал он доверительно. — А чего ты с Серёгой связалась? Он же простой парень. Тебе такой нужен, как я.

Люда чуть не поперхнулась чаем.

— В смысле?

— В прямом, — Стас откинулся назад, играя желваками. — Я женщин понимаю. Я их чувствую. Тебе нужен сложный мужчина, с глубиной, с опытом. А Серёга... — он пренебрежительно махнул рукой. — Он мальчик. С ним скучно.

Люда смотрела на него и с трудом сдерживала смех. Этот мальчишка, которому на вид было лет двадцать пять, возомнил себя умудрённым жизнью ловеласом только потому, что у него нашлись деньги на дорогой мотоцикл. Он сидел, напуская на себя важный и разочарованный вид, как будто жизнь его уже изрядно потрепала и только он один знает, что нужно такой женщине, как Люда.

— Слушай, Стас, — сказала Люда спокойно и дружелюбно. — Ты хороший парень, наверное. Но ты так смешно строишь из себя матёрого волка. Тебе сколько? Двадцать пять? Двадцать шесть? Ты ещё жизни не видел, а уже корчишь из

себя умудрённого опытом дяденьку. Сними корону, а? А то смешно.

Стас замер. Открыл рот, закрыл. Потом нахмурился, явно не ожидая такого отпора.

— Ты чего... — начал он.

— Того, — улыбнулась Люда. — Иди, покатайся на своём мотоцикле. А я к Серёге пойду. С ним мне просто и легко, и ничего он не строит из себя.

Она встала и пошла к Серёге, который как раз обернулся и увидел эту сцену. Глаза его загорелись торжеством.

— Что, Стас обломался? — спросил он шёпотом, обнимая Люду за плечи.

— Обломался, — улыбнулась она. — Строил из себя важного, а я ему сказала, что смешно.

— Люда, ты прелесть, — Серёга чмокнул её в висок. — Пойдём, познакомлю с остальными.

Ночью, когда они вернулись домой, Люда сидела на кухне, пила чай и смотрела на спящую Луну. Мысли путались.

Серёга был простым, солнечным, лёгким. Рядом с ним не нужно было думать о тяжёлом, не нужно было ждать подвоха. А Эдуард... он был другим. Тяжёлым, давящим, собственническим. И от этого взгляда у неё по-прежнему сжималось всё внутри.

Но где хорошо, а где плохо — она так и не поняла.

Телефон пикинул. Сообщение от Эдуарда:

«Как прошёл вечер? Завтра приедешь к Кате? Она скуча-

ет.»

Люда посмотрела на экран. Коротко, сухо, но между строк читалось то самое — тяжёлое, давящее, собственническое.

Она вздохнула и отложила телефон.

Луна во сне дёргала лапкой, ловя невидимых мышей. Люда погладила её по чёрной шёрстке.

— Ну и как мне быть, малышка? — шепнула она. — Где правда?

Луна только мурлыкнула во сне и поджала лапки.

*От автора:*Друзья мои, ну как вам Стас? А упрямство Серёги? Пишите в комментариях, за кого вы болеете! И не забывайте подписываться на автора, ставить звёздочку и добавлять книгу в библиотеку ♥️#

Глава 17. Студия у Волги

К концу марта Люда наконец позволила себе поверить, что жизнь налаживается.

Заказов от Эдуарда было столько, что она иногда работала допоздна, но это радовало — деньги текли рекой. Она аккуратно откладывала, считала, планировала. Клавдия только головой качала, глядя на её тетрадку с расчётами.

— Ты как бухгалтер, ей-богу, — смеялась она. — Всё считаешь, всё планируешь.

— А как иначе? — улыбалась Люда. — Я хочу своё жильё. Маленькое, но своё. Чтобы с видом на Волгу.

И вот в конце марта такое объявление попало.

Люда листала сайт с арендой, когда увидела её — студию на пятом этаже нового дома недалеко от набережной. Одна комната, крошечная кухня, но главное — огромные окна, выходящие прямо на реку. На фото был закат, Волга в золоте, и у Люды перехватило дыхание.

Она позвонила по номеру сразу же.

— Студия ещё свободна? — спросила она, затаив дыхание.

— Свободна, но не совсем, — ответил приятный женский голос. — Сейчас там живут жильцы, они ищут квартиру побольше — у них ребёнок родился. Как только съедут — сразу сдадим. Хотите, запишу вас первой в очередь? Вы мне по

голосу понравились.

Люда улыбнулась.

— Конечно, хочу. А когда примерно они съедут?

— Не могу сказать точно. Может, через неделю, может, через месяц. Сами понимаете, с ребёнком — дело хлопотное. Я вам напишу, как только будет ясность.

— Договорились, — кивнула Люда. — Буду ждать.

Прошло две недели.

Люда уже начала думать, что студия уплыла от неё, когда в телефоне пиликнуло сообщение. Незнакомый номер, но Люда узнала голос хозяйки:

«Людмила, здравствуйте! Это Ирина Владимировна по поводу студии. Я сейчас в другом городе, уехала к дочери. А жильцы мои наконец съезжают — завтра освобождают квартиру. Принимать будет моя сестра, она в Самаре. Если вы всё ещё заинтересованы, нужно срочно решить»

Люда застучала по клавиатуре:

«Очень заинтересована! Что нужно делать?»

Ответ пришёл через минуту:

«Ситуация такая: ко мне уже звонили другие люди, хотят смотреть квартиру завтра. Но я хочу отдать её вам, вы мне понравились. Если вы готовы — переведите мне сегодня залог 5000 рублей на карту. Тогда завтра сестра никого не пустит, вы придёте, примете квартиру, подпишем договор, и заедете. Остальную сумму — при заселении наличными»

Люда перечитала сообщение три раза.

Пять тысяч. Всего пять тысяч. Остальное — наличными, как она и хотела. Хозяйка в другом городе, но готова рискнуть и оставить квартиру за ней. Если она не переведёт сейчас — завтра студию покажут другим, и уплывёт мечта.

— Клав, — позвала Люда. — Тут такое дело...

Она рассказала всё Клавдии. Та слушала внимательно, потом спросила:

— А не развод? Мало ли сейчас мошенников.

— Я с ней по телефону говорила, она приятная очень. И жильцы реально там живут, я видела объявление ещё две недели назад, оно висело, потом сняли. Похоже на правду.

— Ну смотри сама, — Клавдия пожала плечами. — Пять тысяч не огромные деньги, если что. Рискнуть можно.

Люда села на диван, обхватив голову руками. Луна тут же запрыгнула к ней на колени и требовательно замурчала.

Три месяца прошло. Три месяца тишины. Антон ни разу не дал о себе знать. Может, правда — всё кончилось? Может, он уже забыл? У него там бизнес, женщины, жизнь...

— Луна, — шепнула Люда, глядя в жёлтые глаза котёнка. — Как думаешь, рискнуть?

Луна моргнула и ткнулась носом в её руку.

Люда включила ноутбук. Московская карта, которую она не включала три месяца, лежала в кошельке, как бомба замедленного действия. Но всего пять тысяч. Крошечная сумма. Один маленький перевод.

— Будь что будет, — сказала она вслух.

Приложение банка запросило пароль. Пальцы дрожали, когда она вводила данные карты, номер Ирины Владимировны, сумму.

Палец завис над кнопкой «Оплатить».

— Три месяца, — прошептала она. — Он уже не ищет.

И нажала.

Экран моргнул. «Операция выполнена».

Люда выдохнула. Ничего не случилось. Просто обычный платёж.

— Готово, — сказала она Клавдии. — Перевела.

Она написала хозяйке: *«Перевела 5000, чек пришло. Завтра во сколько подъезжать?»*

— Все получила, завтра приезжайте к 12.00 по адресу с сайта, вот телефон сестры, подпишите договор и внесете оплату.

— Студия почти моя, — улыбнулась она. — Завтра заезжаю.

— Поздравляю, — Клавдия обняла её. — Молодец. А теперь давай чай пить.

Они пили чай, болтали о пустяках, смеялись над Луной, которая гонялась за своим хвостом. А Люда всё поглядывала на телефон. Тишина. Ничего не случилось.

— Я же говорила, — сказала она себе. — Всё хорошо. Москва. Два часа спустя.

Антон сидел в своём кабинете и тупо смотрел в стену. Ещё

один день без новостей. Три месяца. Девяносто с лишним дней без неё.

Телефон зазвонил. Он схватил его мгновенно.

— Антон Андреевич, есть! — голос Виктора был возбуждённым. — Карта активировалась!

Антон вскочил.

— Где?!

— Перевод на имя женщины, Ирины Владимировны К. Сумма небольшая, пять тысяч. Похоже на залог за жильё. Самара. IP-адрес из частного сектора, район за ипподромом. Мы уже знаем примерную локацию.

Антон сжал телефон так, что экран пошёл рябью.

— Точный адрес?

— Нужно немного времени на это. Но у нас есть еще имя получателя. Через неё можем выйти если что. Дайте нам день-два.

Антон закрыл глаза. Люда. Его Люда. Где-то там, в этом чёртовом частном секторе.

— Я вылетаю в Самару, — сказал он. — Буду ждать там. И Витя... как только узнаете адрес — сразу мне.

— Понял.

Антон положил трубку и подошёл к окну. Москва сияла огнями, чужая, холодная, пустая.

Самара. Следующий день.

Люда проснулась рано. Солнце заливало комнату, Луна

уже возилась в своём домике. Настроение было приподнятое — сегодня она едет принимать новую студию.

Люда улыбнулась и начала собираться.

Она не знала, что в этот момент в Самару уже летел самолёт из Москвы. И что на ней — человек, который искал её три месяца.

Конец главы 18.

От автора: Друзья мои, Антон уже в пути! Как думаете, успеет ли Люда въехать в студию до его появления? И что будет, когда они встретятся? Пишите в комментариях! И не забывайте подписываться на автора, ставить звёздочку и добавлять книгу в библиотеку ♥️#

Глава 18. Две параллельные

Самолёт из Москвы мягко коснулся взлётно-посадочной полосы аэропорта Курумоч.

Антон сидел в кресле бизнес-класса и смотрел в иллюминатор на серую полосу, мелькающую за стеклом. Весна в Самаре чувствовалась даже здесь, на взлётном поле — снег почти сошёл, только грязные островки темнели у заборов.

Стюардесса что-то говорила, прощалась, желала приятного пребывания. Он не слышал. Мысли были там — за стеклом, в этом городе, где где-то сейчас ходила его женщина.

Три месяца без неё.

Антон закрыл глаза и вдохнул поглубже. В голове прокручивалась сцена встречи снова и снова, как заезженная пластинка. Он подходит к ней. Она оборачивается. В глазах — сначала неверие, потом слёзы, потом счастье. Она бросается к нему на шею, он прижимает её к себе, вдыхает запах волос...

— Ваш багаж, Антон Сергеевич?

Голос Виктора вырвал из грёз. Антон открыл глаза, кивнул.

— Да, спасибо.

Они вышли в зал прилёта. Антон мельком оглядел аэропорт — обычный, провинциальный, но чистый и уютный. В зоне выдачи багажа висели баннеры с достопримечательно-

стями Самары .

— Трансфер ждёт, — Виктор указал на выход. — Закажем такси до отеля или поедем на служебной?

— На такси, — коротко ответил Антон. — Не хочу светиться раньше времени.

Они сели в такси бизнес-класса, заказанное через приложение. Антон назвал адрес отеля и откинулся на спинку сиденья. За окном потянулись пригороды Самары, потом городские улицы. Водитель молчал.

— Что по адресу? — спросил Антон у Виктора, сидящего рядом.

— Работаем, — Виктор говорил тихо, чтобы водитель не слышал. — У нас есть имя получательницы перевода — Ирина Владимировна К. Сдаёт квартиры. Мы пробиваем все её объекты. Со дня на день будет точный адрес, где сейчас Людмила.

— Со дня на день, — повторил Антон с усмешкой. — Витя, я уже не могу ждать.

— Понимаю. Но если вы сейчас поедете в тот район, вы её спугнёте. Дайте нам пару дней.

Антон сжал кулаки, но промолчал.

Lotte Hotel Samara встретил его зеркальными стёклами и мраморным полом в холле .

Отель располагался в историческом центре, на Самарской улице, в пешей доступности от набережной Волги и главных достопримечательностей. Антон прошёл к стойке регистра-

ции, где его встретили приветливой улыбкой и профессиональным поклоном.

— Антон Андреевич, добро пожаловать. Ваш номер — президентский люкс на двенадцатом этаже. Вид на Волгу, как вы просили.

Номер оказался роскошным — три комнаты: гостиная, спальня, кабинет. Всё в элегантных шоколадных и серых тонах, санузел с мраморной отделкой и подогреваемым полом. Из огромного панорамного окна открывался вид на Волгу — широкую, могучую, ещё покрытую льдом у берегов, но уже дышащую весной.

Антон подошёл к окну и замер.

Волга. Та самая река, которую Люда видела каждый день. Он смотрел на ледяные торосы, на полыньи, на дальний берег в дымке, и чувствовал, как внутри всё переворачивается.

После душа он переоделся и спустился в ресторан, расположенный на первом этаже отеля. Ресторан поражал изысканностью — белые скатерти, хрустальные люстры, приглушённый свет. Официанты с идеальной выправкой подавали блюда русской и европейской кухни. Антон заказал себе ужин, но еда казалась безвкусной. Мысли были далеко.

Он думал о том, как скажет ей главные слова.

— Я люблю тебя и женюсь на тебе, — скажет он. — Как только вернёмся в Москву. Через два-три месяца, максимум. Мне нужно утрясти вопросы с семьёй, с отцом. Будет конфликт, это неизбежно. Но я готов. Я найду стратегию. Ес-

ли нужно — сниму с себя обязанности генерального, передам брату. У меня достаточно своих активов, недвижимость в нескольких странах. Мы не будем бедствовать, Люда. Никогда.

Он представлял её лицо, когда она это услышит. Радость, удивление, слёзы. Она обнимет его, прижмётся... А ночью они будут вместе. Наконец-то вместе.

От этих мыслей в паху сладко заныло, сердце забилося чаще. Антон сжал бокал с вином так, что побелели костяшки. Он соскучился. Страшно, до дрожи, до боли. По её телу, по её запаху, по её голосу, по её смеху. По любви.

Если бы год назад ему сказали, что он будет вот так лететь за женщиной в другой город, готовый перекроить всю жизнь, отказаться от статуса, от бизнеса, от всего, к чему привык — он бы рассмеялся. Но теперь, потеряв её и испытав эту тоску, он понимал: держаться за мнимый статус и накатанную жизнь он не собирается. У него достаточно ресурсов, чтобы жить с той, кого любит. А не прогибаться под семью.

Он доел ужин, расплатился и вышел на улицу.

Вечерняя Самара дышала весной. Воздух был влажным, пахло талым снегом и свободой. Антон шёл по улицам, не разбирая дороги, просто впитывая город. Прошёл мимо Краеведческого музея, свернул к площади Куйбышева. Где-то здесь ходила она. Может быть, по этой самой улице. Может быть, сидела вон в том кафе.

Он представлял, как встретит её. Скоро. Совсем скоро.

А в это время на другом конце города

Люда стояла посреди своей новой студии и улыбалась до ушей.

Студия оказалась даже лучше, чем на фотографиях — светлая, чистая, с огромными окнами на пятом этаже, из которых открывался захватывающий вид на Волгу. Река лежала внизу, широкая, могучая, с тёмными полыньями среди льда, и казалось, что можно дотронуться до неё рукой.

Люда опустила на пол переноску, открыла дверцу и тихо сказала:

— Ну, Луна, выходи. Это наш новый дом.

Чёрная пушистая мордочка высунулась наружу, жёлтые глаза обвели комнату, и Луна осторожно шагнула на пол. Постояла, приняхалась, а потом вдруг радостно мяукнула и понеслась исследовать территорию — обнюхала углы, проверила кухню, залезла на подоконник и уставилась в окно на проплывающие облака.

Люда рассмеялась и пошла за ней.

Договор с сестрой хозяйки подписали быстро — та оказалась приятной женщиной, проверила паспорт Люды (ничего, только для договора), объяснила, где что включается, пожелала удачного проживания и ушла. Люда осталась одна.

Она раскладывала вещи, ставила в шкаф немногочисленные свитера и джинсы, расставляла на подоконнике горшочки с цветами, которые привезла от Клавдии. Луна вертелась

под ногами, хватала за шнурки и вообще мешала, но это было самое счастливое беспокойство в жизни.

Закончив с вещами, Люда села на пол, обняла котёнка и огляделась.

— Ну что, Луна, — сказала она. — У нас теперь свой угол. И вид на Волгу. Помечтаем?

Луна мурлыкнула в ответ.

Люда достала телефон. Написала Серёге:

«Серёга, я в новой студии! Приезжай на новоселье. Адрес скинула»

И Эдуарду — коротко, официально:

«Эдуард, я переехала в новую студию. Спасибо за всё. Буду работать, как обычно»

Ответ от Серёги прилетел мгновенно:

«Ща буду! Луне привет! У меня для вас сюрприз»

Через полчаса в дверь позвонили.

Серёга влетел в квартиру с огромным пакетом, из которого торчали бутылка вина, фрукты и какая-то коробочка. Луна, услышав его голос, понеслась к дверям и запрыгнула прямо на руки.

— Привет, доча! — Серёга чмокнул котёнка в нос и закружился с ней по комнате. — Ну как тебе новый дом? Нравится? А мамка где?

Люда стояла в дверях кухни и смеялась.

— Серёга, ты ненормальный.

— Абсолютно, — согласился он, ставя Луну на пол и под-

ходя к ней. — С новосельем, Люда. — Он обнял её крепко, но как-то по-домашнему, без навязчивости. — Красиво тут у тебя. Видок — закачаешься.

Они сидели на полу, пили вино (Луна получила свою порцию молока в новой мисочке), болтали. Серёга рассказывал новости, шутил, смешил её до слёз. Луна бегала между ними, требуя внимания.

— Слушай, — сказал Серёга, когда они немного утомились. — Мы же с пацанами планировали в замок Гарри-балди на выхах. Ты как? Едем?

Люда задумалась.

— Я у Эдуарда отпрошусь. У меня до этого было несколько дней подряд очень много работы, срочные заказы, я даже в субботу сидела. Так что он мне должен отгул.

— Да ладно, он тебе что, рабовладелец? — фыркнул Серёга. — Ты вообще-то фрилансер.

— Ну, как-то неудобно... — начала Люда, но Серёга уже протягивал ей телефон.

Люда вздохнула и набрала Эдуарда. Объяснила ситуацию — срочные заказы, работа в субботу, просьба об отгуле на понедельник. Эдуард помолчал, потом сухо ответил:

— Хорошо, Люда. Отдыхай.

Она положила трубку и улыбнулась Серёге:

— Всё, отпустил.

— Ура! — Серёга подхватил Луну и закружился с ней. — Мы едем, Луна! Папка, мамка и ты — в замок! Правда,

тебя придётся с Клавдией оставить, но мы тебе гостинцев привезём.

Луна возмущённо мяукнула.

— Значит, так, — Серёга достал телефон и начал строчить сообщения. — Суббота, воскресенье, понедельник. Я с пацанами договариваюсь. Стас, Костик, ещё пара ребят. А мы с тобой поедem на машине — я у друга тачку возьму, пока моя Гранта в ремонте.

Люда кивнула, но вдруг подумала: как же хорошо, что они едут. Отвлечься, увидеть что-то новое, подышать воздухом свободы.

Она не знала, что в этот момент в центре Самары, в роскошном отеле, человек, которого она не могла забыть, смотрел на ту же Волгу и думал о ней.

Антон вернулся в отель поздно вечером. Поработал за ночью.

Разделся уже поздно, лёг на огромную кровать, но сон не шёл. Он смотрел в потолок и думал о ней. О том, как она сейчас там, в этом городе. Может быть, тоже смотрит на Волгу. Может быть, думает о нём.

Телефон зазвонил. Виктор.

— Антон Андреевич, есть точный адрес. Она сдаёт несколько квартир. Одна из них — в новом доме на набережной. Туда сегодня въехала новая жиличка. Описание совпадает.

Антон вскочил.

— Адрес!

— Дом сдан, я послал людей. Но... — Виктор замялся.

— Что «но»?

— Её там нет. Квартира пустая. Соседи сказали, видела женщину с котёнком и вещами, но она куда-то потом ушла. Мы выставили наблюдение. Как только появится — сообщим.

Антон выдохнул.

— Жду.

Он подошёл к окну. Волга внизу темнела, где-то далеко горели огни. Люда была где-то там. Совсем рядом.

Но пока — не с ним.

От автора: Друзья мои, Антон уже в Самаре, а Люда уезжает в замок Гаррибальди. Они так близко — и так далеко. Как думаете, встретятся ли они? И что будет, когда Антон узнает, что она уехала? Пишите в комментариях! И не забывайте подписываться на автора, ставить звёздочку и добавлять книгу в библиотеку ♥#

Глава 19. Солнце, ветер и горький привкус утра

Субботнее утро выдалось ярким, по-настоящему весенним.

Люда проснулась рано, хотя можно было бы и понежиться. В новой студии было светло и просторно, солнце заливало комнату через огромные окна на пятом этаже, а Луна уже возилась в своём домике, требуя завтрака. Люда накормила котёнка, собрала небольшую сумку — смену белья, пару футболок, тёплую кофту на случай прохладного вечера. Луну — в переноску.

Ровно в девять у подъезда засигналила машина. Люда выглянула в окно — Серёга стоял, прислонившись к серебристой иномарке (взял у друга, пока его Гранта в ремонте), и сиял так, будто выиграл в лотерею.

— Ну что, готова к приключениям? — крикнул он, увидев её в окне.

Через полчаса они уже завезли Луну Клавдии. Та поворковала с котёнком, пообещала кормить её три раза в день и строго наказала Серёге:

— Ты смотри, парень, чтоб Люда моя довольная вернулась! А то знаю я вас, гонщиков.

— Всё будет пучком, Клавдия Петровна! — Серёга сказал

и потащил Люду обратно к машине.

Выехали за город, и вскоре на заправке у поворота на трассу их уже ждали. Трое парней на мотоциклах — Костик на Хонде, ещё двое знакомых, и, конечно, Стас на своём зелёном Кавасаки. Он стоял чуть поодаль, в тёмных очках, с невозмутимым видом, но Люда кожей чувствовала его взгляд.

— Знакомься, — Серёга обнял её за плечи. — Это Леха, это Димон. А с этим, — он кивнул на Стаса, — ты уже знакома.

Стас снял очки, посмотрел на Люду долгим, тяжёлым взглядом и слегка кивнул. Люда ответила вежливой улыбкой, но внутри поёжилась — слишком уж он прожигал глазами.

— Ну что, погнали? — крикнул Костик, заводя мотор.

Мотоциклы взревели и унеслись вперёд, а Люда с Серёгой не спеша поехали следом.

Дорога до замка Гарибальди — не была долгой. Мотоциклисты, конечно, управились быстрее, и когда Люда с Серёгой около часа дня подъехали к придорожному кафе, парни уже сидели за большим столом на открытой веранде, пили лимонад и весело обсуждали свои мотоциклетные дела.

Обед вышел шумным и душевным. Ребята травили байки, подкалывали друг друга, но к Люде относились с уважением — Серёга явно дал понять, что она для него человек особенный. И только Стас сидел напротив и смотрел. Не говорил

почти ничего, но взгляд его чёрных глаз, казалось, прожигал насквозь. Люда старалась не обращать внимания, тем более что Серёга то и дело норовил её обнять, чмокнуть в макушку, положить руку на плечо — и делал это с таким видом, будто говоря: «Видали? Она моя».

После обеда — снова в путь. Мотоциклы унеслись вперёд, а машина неторопливо катила по трассе. Люда смотрела в окно на просыпающуюся природу, слушала музыку и чувствовала себя почти счастливой.

К вечеру они добрались до места. Остановились в небольшом мотеле, километров десять от деревни, где находится замок. Двухэтажное здание с уютными номерами, парковка, небольшое кафе на первом этаже. Ребята взяли себе номера, Люде и Серёге — отдельные, как и договаривались.

Ужинали все вместе в местном кафе. Было весело, шумно, кто-то рассказывал анекдоты, Костик травил байки про свои мотопокатушки. Люда выпила бокал вина, расслабилась и даже поймала себя на мысли, что давно так хорошо не проводила время. Стас, к счастью, сидел в другом конце стола и только изредка бросал свои тяжёлые взгляды, но Люда уже научилась их игнорировать.

Утро воскресенья встретило их солнцем и лёгкой прохладой.

Замок Гарибальди оказался именно таким, как на фотографиях — и даже лучше. Настоящее средневековое чудо посреди русского села. Башни со шпилями, стрельча-

тые окна, каменная кладка, которая выглядела так, будто ей несколько веков. У входа их встретили два рыцаря в полных доспехах — Галахад и Персиваль, словно сошедшие со страниц легенд о короле Артуре.

— Ничего себе, — выдохнула Люда, задрав голову.

— А я говорил! — Серёга сиял.

Они бродили по территории часа два. Люда не могла оторваться от деталей — драконы на барельефах, гаргульи на водостоках, грифоны, химеры. Ей очень хотелось взять карандаш и зарисовать на бумаге всю эту красоту, но принадлежности для рисования она забыла взять с собой. Вокруг сновали туристы, кто-то фотографировался в доспехах, кто-то катал детей на пони. У южного фасада стоял мощный скандинавский воин со шлемом в руках, и все желающие залезали под этот шлем, загадывая желания. Люда тоже сфотографировалась, а Серёга потом долго смеялся, глядя на снимок.

Внутри замка, правда, не пускали — там всё ещё шли отделочные работы. Но это нисколько не испортило впечатления. Они спустились к Волге, посидели на песчаном берегу, глядя на бескрайнюю гладь Жигулёвского моря. Потом пообедали в кафе — просто, но вкусно, купили смешных магнитиков в сувенирной лавке и ещё долго гуляли по парку, разглядывая статуи рыцарей.

— Спасибо тебе, — сказала Люда, когда они уже садились в машину. — Это было волшебно.

Серёга только улыбнулся и поцеловал её в висок.

Обратная дорога должна была занять столько же времени, но в планы вмешался случай.

Уже вечером, когда они подъезжали к тому же мотелю, в котором ночевали по дороге туда, выяснилось, что с номерами проблема.

— Мужики, извините, — развёл руками администратор — молодой парень с хитрой улыбкой. — Все номера заняты. Одноместных вообще нет. Остался только один двухместный.

Серёга посмотрел на Люду с таким искренним сожалением на лице, что она чуть не рассмеялась.

— Ну вот, блин, — вздохнул он. — Я же специально заказывал отдельные...

Люда видела, как он незаметно сунул администратору купюру. Но почему-то не рассердилась. Может, вино за ужином, может, общее настроение свободы и лёгкости, а может, просто усталость дала о себе знать.

— Ладно, — махнула рукой она. — Переживём.

Номер оказался обычным — две кровати, телевизор, душевая. Уютно и чисто. Серёга вёл себя идеально, даже как-то слишком правильно. Они ещё посидели в кафе на первом этаже, выпили местного эля — вкусного, с лёгкой горчинкой, и тёмного плотного пива. Люда выпила больше обычного и почувствовала, как приятное тепло разливается по телу, снимая все зажимы и тревоги.

В номере она первой пошла в душ. Долго стояла под горячей водой, потом закуталась в большой махровый халат и вышла, чувствуя себя расслабленной и какой-то... другой.

Серёга вышел из душа следом. Только в полотенце на бёдрах.

У Люды перехватило дыхание.

Она и раньше знала, что он красивый. Но сейчас, с мокрыми светлыми волосами, с капельками воды на широких плечах, с этими умопомрачительными кубиками на прессе и лучезарной улыбкой, от которой у неё всегда подкашивались колени, он был просто невероятен.

— Люда, — сказал он тихо, подходя ближе. — Ты такая красивая...

Она хотела что-то сказать, возразить, остановить, но он уже целовал её.

И снова накатило. Солнце, ветер, свобода, солёный прибой. Только теперь всё было по-другому. Глубже. Сильнее. Он подхватил её на руки — легко, будто она ничего не весила — и отнёс на кровать.

— Не надо, — прошептала она в последней попытке остановиться.

— Надо, — выдохнул он. — Очень надо. Я тебя хочу. Только тебя. Всегда.

И она перестала сопротивляться.

Глава 19. 2часть.

Секс был солнечным. Таким же, как он сам. Не тяжёлым, не давящим, не собственническим. Лёгким, как ветер, тёплым, как весеннее солнце, и бесконечно нежным. Он целовал её всю — от губ до кончиков пальцев, гладил, шептал что-то ласковое, и Люда плыла в этом потоке, забывая, кто она и где. Его руки были везде, его губы находили самые чувствительные места, и она отвечала — сначала робко, потом всё смелее, отдаваясь этому вихрю. Ну конечно, и вино делало свое дело.

Но разрядка не пришла.

Она чувствовала, как он старается, как хочет доставить ей удовольствие, как сам сходит с ума от наслаждения, вбиваясь в нее под конец уже яростно и сильно. Но внутри, где-то глубоко, оставался холодок. Тот самый, который мог растопить только один человек. Тот, который был за тысячу километров.

Люда закрыла глаза и позволила себе просто быть. Быть с ним, в этот моменте, в этом тепле, чувствовать его экстаз, его кайф. А потом усталость взяла своё, и она провалилась в сон.

Серёга лежал рядом и умирал от счастья.

Именно так он всё и представлял. Она была чувственной, отзывчивой, нежной, податливой. Все те молоденькие дев-

чонки, что были у него раньше, в подмётки ей не годились. Люда была настоящей. Женщиной, о которой можно только мечтать. И она была с ним.

Он гладил её по волосам очень осторожно, смотрел, как она дышит во сне, и чувствовал себя самым счастливым человеком на земле. А потом не заметил, как и сам вырубился.

Утро наступило слишком быстро.

Люда открыла глаза и первое, что увидела — Серёга раскинулся рядом, занимая почти всю кровать своими огромными плечами, и спал с улыбкой на лице, как ребёнок.

А её накрыло.

Стыд. Раскаяние. Понимание того, что она натворила.

Она села на кровати, обхватив голову руками. В голове пульсировало: «Что я сделала? Зачем? Почему?» Она изменила Антону. В своём понимании, в своём сердце — она изменила. Да, Антон не выбрал её, да, он далеко, но он был там, внутри, всегда. А теперь... теперь она позволила другому.

Она сидела на кровати, хотелось сбежать, но куда?

И хуже всего — она не хотела строить с Серёгой семью. Не хотела портить ему жизнь, не хотела, чтобы он потом жалел, что связался с женщиной, которая не может родить ему детей. А он, дурак, счастлив. Он не понимает, что это тупик.

Серёга проснулся, потянулся, улыбнулся своей лучезарной улыбкой и потянулся к ней.

— Доброе утро, красавица, — он хотел её поцеловать, но Люда отстранилась.

— Серёга, — голос у неё был глухим. — Нам нужно поговорить.

Он сел, насторожившись.

— Что случилось? Ты чего такая?

— Случилось то, что случилось, — Люда смотрела в стену. — Это была ошибка.

— Ошибка? — он не верил своим ушам. — Люда, это был лучший секс в моей жизни! Ты — лучшая женщина, что у меня была! Как это может быть ошибкой?

— Потому что я не хочу этого, — она повернулась к нему. В глазах стояли слёзы. — Я не хочу строить с тобой семью, Серёга. Не хочу, чтобы ты потом жалел. Ты молодой, у тебя всё впереди. А я... я не могу дать тебе детей. Я не хочу тебя обманывать и не хочу, чтобы ты потом меня ненавидел.

— Люда, о чём ты? — он схватил её за руки. — Мне никто не нужен, кроме тебя! Никакие дети не нужны, если их не будет с тобой!

— Ты так думаешь сейчас, — покачала она головой. — А через пять лет будешь смотреть на чужих детей и жалеть. Я не хочу быть для тебя ошибкой.

— Ты для меня — счастье, кайф! — почти крикнул он. — Почему ты не веришь?

— Потому что я знаю жизнь, — тихо сказала Люда. — И я знаю, что это неправильно. Прости меня. Прости, что так получилось. Это я виновата, напилась, расслабилась... Но больше так не будет.

Серёга сидел, сжав кулаки. Он не понимал. Совсем не понимал. Для него это была вершина счастья, а для неё — трагедия.

— Ты... ты серьёзно? — спросил он севшим голосом.

— Серьёзно.

Он долго смотрел на неё. Потом молча встал, оделся и вышел из номера.

Люда осталась одна. Слезы текли по щекам, но она не вытирала их.

Дура, какая же она дура, еще и гулящая женщина.

Обратную дорогу они молчали.

Серёга пытался заговаривать, шутить, вернуть ту лёгкость, что была вчера. Но Люда была замкнута, смотрела в окно и отвечала односложно. Для неё случилась настоящая трагедия. Она чувствовала себя падшей женщиной, предательницей, глупой и слабой.

А Серёга... Серёга был убит. Фигурально, но убит. Он не понимал, почему его счастье обернулось для неё такой болью.

— Люда, ну посмотри на меня, — попросил он, когда они уже въезжали в город. — Ну хоть слово скажи.

— Я всё сказала, — тихо ответила она, не поворачивая головы.

Он вздохнул и сжал руль так, что побелели костяшки.

Сначала заехали к Клавдии. Люда выскочила из машины, даже не хлопнув дверью, и через пять минут вернулась с Лу-

ной в переноске. Котёнок возмущённо мяукал, требуя объяснений, но Люда лишь прижала переноску к груди и снова села в машину.

— Куда теперь? — спросил Серёга тихо.

— В студию. На набережную.

Он кивнул и завёл мотор.

Машина остановилась у нового дома на набережной. Вечер опускался на город, в окнах зажигались огни, Волга внизу темнела, отражая последние лучи заката. Люда открыла дверь, взяла переноску и уже собралась уйти, но Серёга окликнул её:

— Люда, постой.

Она замерла, не оборачиваясь.

— Я не знаю, что ты там себе надумала, — сказал он тихо, но твёрдо. — Но не торопись. Не спеши перечёркивать всё, что между нами было. Дружбу, всё... только из-за одного секса.

Люда молчала.

— Я не жалею, — продолжил он. — Ни о чём не жалею. И если ты думаешь, что я отступлю — ты ошибаешься. Я подожду. Сколько надо. Но не прогоняй меня, ладно?

Она медленно повернулась. В темноте он не видел её лица, только силуэт.

— Я подумаю, — сказала она тихо. — Но на этом пока всё, Серёга. Мне нужно время.

— Хорошо, — кивнул он. — Время так время.

Он вышел из машины, подошёл к ней. Хотел поцеловать на прощание, но остановил себя — побоялся против воли. Просто заглянул в глаза.

— Береги себя, Люда. И Луну береги.

— Ты тоже, — ответила она и быстро пошла к подъезду.

Серёга смотрел ей вслед, пока дверь не закрылась. Потом сел в машину и уехал.

Люда вошла в лифт, нажала кнопку пятого этажа. Луна в переноске недовольно ворчала, требуя свободы. Люда прижалась лбом к холодной стене лифта и закрыла глаза.

— Господи, — прошептала она. — Что я наделала?

Лифт остановился. Она вышла, открыла дверь студии, выпустила Луну. Та сразу понеслась исследовать территорию, радуясь возвращению домой. Люда автоматически разделась, налила котёнку молока, села на подоконник и уставилась в темноту.

Волга внизу. Огни набережной. Мысли в голове.

Она не заметила, как пролетело полчаса. Луна уже наелась и спала в своём домике. А Люда всё сидела и смотрела в одну точку.

Нужно было проветриться. Хотя бы на минуту выйти, вдохнуть свежего воздуха, чтобы голова перестала кипеть.

Она накинула куртку прямо поверх домашнего, сунула ноги в кроссовки и выскользнула из квартиры.

Спустилась вниз, вышла из подъезда и сделала несколько шагов в сторону набережной.

— Люда.

Она замерла.

Голос. Знакомый до дрожи. Тот, который снился ей ночами. Тот, от которого подкашивались колени и сжималось сердце.

Она медленно обернулась.

Из тени у подъезда вышел человек. Высокий, в дорогом пальто, с усталым, но таким родным лицом. Тёмные глаза смотрели на неё так, будто хотели выпить до дна.

— Антон... — выдохнула она.

И мир вокруг перестал существовать.

От автора: Друзья мои! Ну как вам такой финал? Антон нашёл её! Что будет дальше? Как объяснит Люда ему и себе всё, что произошло? Пишите в комментариях! И не забывайте подписываться на автора, ставить звёздочку и добавлять книгу в библиотеку ♥#

Глава 20. Поздно

И мир остановился.

Он сделал шаг к ней. Потом ещё один. Остановился в полуметре, боясь подойти ближе, боясь спугнуть.

— Зачем? — спросил он тихо. Голос дрожал, срывался, но в нём звучало столько боли, что у Люды сжалось сердце. — Зачем ты убежала? Зачем, Люда? Я бы не попросил у тебя ни одного поцелуя, ничего, лишь бы ты была рядом. Лишь бы не скиталась одна, без денег, без поддержки, неизвестно где...

Она смотрела на него и не верила. Он здесь. Он приехал. Он говорит эти слова...

— Я женюсь на тебе, — выпалил Антон, будто боялся, что не успеет. — Слышишь? Месяца через два, когда утрясу дела с семьёй. Если нужно — уйду из бизнеса. У меня есть свои активы, недвижимость, мы не пропадём. Я перекрою всю жизнь, Люда. Всю. Только вернись.

Он говорил горячо, эмоционально, властные нотки проскальзывали в голосе, но Люда чувствовала — это честно. От всей души. И понимала: она любит его больше жизни. Вот так бы стояла и смотрела на него вечно. Чтобы время остановилось.

Он потянулся к ней.

И она отшатнулась.

— Поздно, — выдохнула она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.